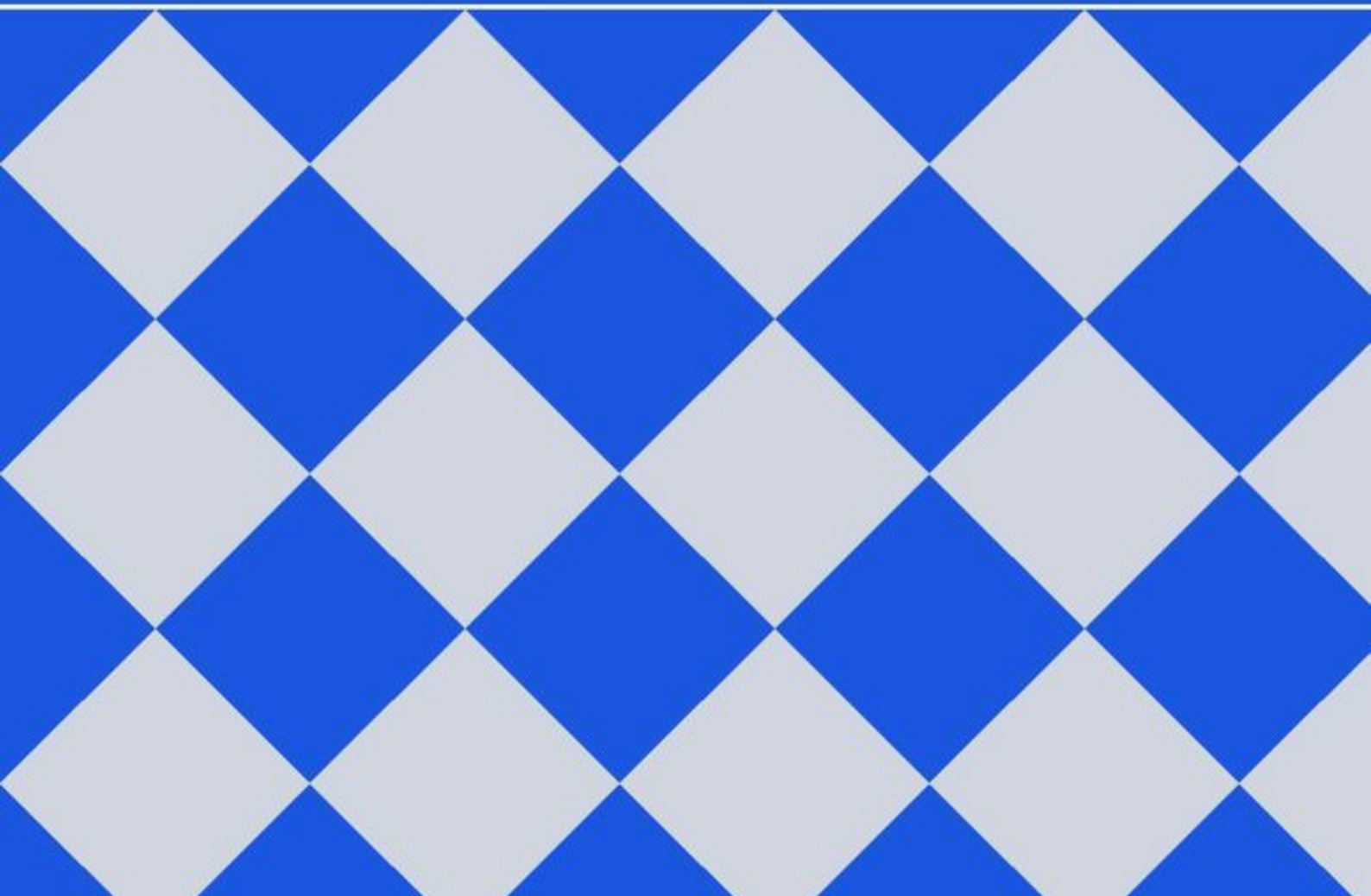

18+

Влад Потёмкин

*Жизнь,
нарисованная
небом*

Влад Потёмкин

Жизнь, нарисованная небом

«Издательские решения»

Потёмкин В.

Жизнь, нарисованная небом / В. Потёмкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831580-0

Ангел-хранитель смотрит на события, происходящие на планете, и ужасается... «Надо что-то делать, — решает ОН, — иначе быть непоправимой беде...» Но Темные Силы не бездействуют и всячески мешают исполнению им задуманного плана.

ISBN 978-5-44-831580-0

© Потёмкин В.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА VIII	29
ГЛАВА IX	31
ГЛАВА X	36
ГЛАВА XI	39
ГЛАВА XII	41
ГЛАВА XIII	43
ГЛАВА XIV	47
ГЛАВА XV	50
ГЛАВА XVI	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Жизнь, нарисованная небом

Влад Потёмкин

© Влад Потёмкин, 2020

ISBN 978-5-4483-1580-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

– Это правда? – вопрос Идэн задала больше из кокетства. Она не сомневалась в том, что нравится Хальву Ирвингу. Хальв, под предводительством отца, был в дальнем походе. По слухам кампания оказалась неудачной. Но она была рада его видеть.

– Да!.. Уже три года, – спокойно подтвердил Ирвинг Младший.

– Прямо так уж и три года? – переспросила она, продолжая заигрывать. Идэн Форсет смотрела на него и видела существенные перемены в этом повзрослевшем восемнадцатилетнем юноше. Это был не тот Хальв. Последнее время он стал стесняться её. Всегда отводил свой взор в сторону. Словно был пойман на чём-то непристойном. Сейчас же он уверенно смотрел ей в глаза. И было видно – по настоящему рад этой встрече. В руке Идэн держала охапку черёмухи во множестве здесь растущую. Поэтому все прилегающие скалы и ущелье были седыми точно борода старца.

– Три года, – повторил он. – А, ты, стала ещё красивее!

– Спасибо, – ответила девушка и радостно улыбнулась.

Ирвинг взял её за руку. Они сделали одновременный шаг вглубь массивного валуна-платформы. От каменной глыбы взлетали ввысь три выступающие кручины. Пикообразные выступы были настолько высоки, что казалось – они «растут» сами по себе.

Форсет подняла глаза. Перед ней висели белые клубы убегающего черёмухового снега. На нижних ярусах отчётливо просматривались свисающие кисти, испускающие терпкий запах. Множество цветков смотрели на неё своими жёлтыми сердцевинами. Светили словно фонарики обрамлённые лепестками – пятью светлыми чешуйками.

– Надо же, – удивилась она. – Я раньше и не замечала, что их пять?

Жёлтые фонарики улыбались. Они завидовали ей. Они радовались за неё. Идэн почувствовала во рту, в районе нёба, горьковатый вкус, одурманивающий голову. Корни деревьев в диковинных объятиях образовывали над ними свод. Черёмуха начинала отцветать, засыпая долину, всю округу наибелейшим покрывалом. Сколько прошло времени, она не знала. Светило перевалило на вторую половину небосвода. Девушка стала рассматривать Хальва, любуясь его красотой. Он спал. У основания его ног, рассыпавшись, лежали ветки, из подаренного им букета. Она взяла одну из них и провела у него под носом. Верхняя губа пришла в рефлекторное движение. Его волосы из стадии «пушка под носом» превратились в обильную, густую растительность. Но за счёт своей светлости и тонкости не выпячивались копною. А наоборот, гладко прилегали, превращая его в привлекательного, зрелого и состоявшегося мужчину. Она медленно повела ветвью. Но теперь, нацеливая её на самый кончик носа. Подёргивания возобновились интенсивней, чем прежде. Ирвинг открыл глаза.

– Вы, изволите баловаться? – сказал он любовно.

– Ага, – закивала Форсет.

– Должно быть, в Вас, таится дерзновенная хулиганка, – с теплотой в голосе продолжил он и провёл рукою по её щеке. Из её глаз потекли слёзы. Слёзы радости и счастья закрыли ей свет.

– Скоро будет темнеть, – промолвила она. – Мне пора.

– Когда, я тебя увижу? – поинтересовался он.

– Ты, хочешь, увидеть меня снова? – с вернувшимся к ней кокетством переспросила Идэн.

– Да!

– Хорошо! – произнесла она. Подумала и добавила:

– Завтра, здесь же. Когда солнце будет на макушке этой ели, – девушка показала на вершину дерева растущего из глубины каменного проёма. Шагнула к тропинке, по которой пришла. Обернулась и закричала, что есть силы.

– Хальв!!!

Хальф... аф... аф... аф... аф... подхватило эхо и с угрожающим лаем понесло по горам. Горы как бы предупреждали её о чём-то. О чём?.. Девушка не знала. Она не могла даже догадываться. А, не то что, думать?! Идэн не слышала этих предупреждений. Она любила!..

– Я тебя люблю!!! – охваченная счастьем прокричала Форсет.

Люблю... люблю... люблю... вторила теснина. Одновременно с выкриком девушка подкинула вверх свой огромный букет и скрылась из вида под летящие вниз белоснежные отrostки.

* * * *

Весь оставшийся вечер. И всю ночь Идэн не смыкала глаз, с нетерпением ожидала предстоящего свидания. На следующий день она пришла раньше запланированного времени. Но Хальв не появился. Не пришёл он и через день, как не ждала она его, стоя у кручины. Переживая, что же могло случиться, Форсет спустилась вниз. Переполненная тревогой, она вошла в резиденцию, где и узнала: «Конунг Хальв Ирвинг женился и отбыл со своей женой в полученный от отца удел».

Идэн, не помня себе, вышла с княжеского двора. Она шла... и шла. Не разбирая дороги. Пока ноги сами не привели её – к месту их свидания с Хальвом.

– Видать не зря в женских сагах поётся: «Счастья длится миг, а потом о нём, лишь – можно вспоминать». Слезы посыпались из её глаз, стекая крупными каплями по щекам.

– Темнеет, – рассудила она. Надо засветло пробраться на чердак, чтобы мать не заметила её такой зарёванной. Идэн, решительными взмахами ладоней, вытерла слезы и направилась к дому.

ГЛАВА I

Идэн была единственным ребёнком в семье бонда Эрика Форсет «Курчавая Голова» и Хиль по прозвищу «Мать Природы». Расстроенная, после услышанной новости о женитьбе Хальва, она не помнила, как пришла домой. Не заметно пробралась к себе. Уткнулась в подушку и потеряла счёт времени. С постели её поднял отец, вернувшийся домой. Она слышала, его громогласный голос. Он был на общих работах – на постройке корабля. «Курчавая Голова» ездил на север. Валил необходимый для строительства лес. На мысе «Корабельных Роц», тот, что за «Чаечным Склоном», где могучие сосны упираются в самое небо, бронзовыми стволами.

Эрик, как и все свободные землевладельцы, был обязан платить подать «для защиты края отцов» под названием «весло упряжь». Это означало, что совместно с другими бондами, они должны были построить по приказу конунга корабль или же предоставить каждый по коню. Хозяин приехал не один, а с сыном бонда Бреда Игл «Морехода» с «Долины Туманов» Аустом.

Людей с «Долины Туманов» в союзники на строительство корабля он выбрал не случайно. Ещё год назад, ему понравился этот, восемнадцатилетний парень. И задумал Форсет выдать, за него замуж свою дочь. Всё семейство Бреда было на промысле трески и сёмги. Ауст, как самый младший, был оставлен на общие работы. Здесь ему предстояло отдуваться за всю свою фамилию. Это был, самый подходящий повод – заманить его к себе и познакомить с Идэн.

Остаться Ауста на берегу заставило неудобство. Ему было крайне неловко, выходить в море капитаном, имея в команде подчинёнными отца, старших братьев и своего деда. Право командовать кораблём он получил в обход своих старших родственников от прадеда за навыки морской навигации. И это было для него крайне обременительно и неудобно.

Произошло это в предыдущий сезон. Тогда свободные землевладельцы платили подать «Для защиты края отцов» лошадьми. В появившееся свободное время Форсет «Курчавая

Голова» совместно с семейством Игл, под предводительством восьмидесяти девятилетнего Оста, вышли в море. В том походе Форсет и убедился в бесстрашии и здравой рассудительности Ауста.

Их корабль попал в шторм. Два течения – холодное и тёплое – столкнулись между собой. В противоборстве: «Кто кого?» Холодное течение пыталось разделить Гольфстрим. Всё началось с незначительного толкания волны о борт судна. Следующая волна, уже более весомо заявила о своих намерениях. А далее, волны, одна за другой – не останавливаясь, воздействовали на парусник. Оторвали его от воды. И раз от раза подымали баркас всё выше и выше. Стихия уносила его в небо. От постоянного влияния силы дощаник закружило. Вращение корабля вокруг своей оси и неумолимый подъём вверх усугубляли его бедственное положение.

– Один!!! – взмолилась команда. На лицах воинов-моряков застыл страх. Их мечи находились в трюмах. А уйти из жизни без оружия в руках – означало, не попасть в рай. Не попасть в Валгаллу.

– Один!!! – зывали они снова и снова. Они не мыслили загробную жизнь без чертогов Одина. Но пробраться в трюм было не возможно. Ураганный шквал грозил выбросить их в море, оторвись они хотя бы хоть одной рукой от опор. Их мольбы оставались без внимания. Судно подымалось всё выше и выше и вот оно встало. Замерло. И стремительно полетело вниз, в самую бездну. Волны двух течений столкнувшись, отступили друг от друга разом. И образовалась пустота. И в эту воронку, как в пучину, уносило корабль.

– Один!!! – в который раз взмолились мореходы. Судно летело вниз с неистовой скоростью. У них над головами висели бочки, с приготовленным на зиму уловом. Бочки летели им в след. Рядом с бочками рыба – только, что выловленная и до этого лежавшая на палубе. Рыбы в полете открывали рты. Они хватали воздух и шевелили жабрами. К тому же всё: команда, бочки, рыбы и само судно продолжали кружиться в центрифужном вращении. Эта безысходность наводила на команду растерянность, страх и полную предсказуемость их неизбежной гибели. Отхлынувшие морские пучины, разогнались и вернулись вновь. Встали стеною. И разом заполнили морской водой, образовавшуюся пустоту, и накрыли корабль. Сначала обдав моряков множеством холодных солёных брызг. И тут же сомкнулись, захлопывая за собою выход основательно и навсегда.

– Один!!! – хотели воззвать в очередной раз бедствующие моряки, но не успели. Огромная волна с неистовой силой накрыла их возглас.

Лишь Ауст сохранял спокойствие. Он стоял у кормового руля. Когда корабль был в вышине, он не видел смысла грести штурвалом по воздуху. Но стоило судну упасть на водную основу, как кормщик сразу же принялся выравнивать парусник. Он попеременно направлял его. То влево. То вправо. Руль, почувствовав соприкосновение с морем, ощутил на себе всю воздействующую силу стихии. Но уверенная рука кормчего заставила бот, после ряда выравниваний, выйти из крена. Судно точно щепка вылетело вверх. И очутилось чуть в стороне от разыгравшейся бури. Корабль попал в полный штиль. Даже не верилось, что по соседству бушует стихия океана. Громадные волны несутся друг на друга, по самой наивысшей степени морского измерения. Вал за валом, громады воды накатываются друг на друга подобно высокогорным горам. И откатываются вспять, за новой силой и подъёмом. Только горы недвижимы в своём существовании. А это Океан?! Он непрерывен в своём движении. Оттого может быть непредсказуемым, коварным и очень опасным. Не унимающееся течение продолжало нести свою мощь. Смотреть на это было, как – приятно притягательно так и страшно.

Капитан Ост стоял, всё ещё уцепившись за мачту. Он верил в своего младшего внука. Потому решил не забирать штурвал управления в свои дряблые руки. Что-то ему подсказывало: «Не удержу». Сейчас он был уверен, что точно не удержал бы руля. Он обрадовался благоприятному исходу. С разбегающейся внутри себя радостью вспомнил, как кто-то однажды заявил ему: «Холодный океан однолик, скупен и опасен своими ледяными глыбами». Тогда

Ост не нашёл, что ответить. Не потому, что он был согласен с оценщиком. Он просто опешил от услышанного определения. А потом понял – человек просто слеп. Как можно не видеть и не любоваться этим бескрайним океанским простором. Этой раскинувшейся синей далью, залитой в избытке щедрыми лучами солнца. Этой красотой! И мощью! Ледовитый океан суров. Но как всё необъятное, нескончаемое и большое – он добр, улыбочив и притягателен. Да проплывающие и блестящие, до боли в глазах, снежно-ледяные айсберги таят в себе опасность. Но это Один специально ударил молотком по ледяному панцирю и пустил в дрейф этих гигантов для проверки мужиков. Прошёл испытание?!! Не убоился?!! Не задрожал в самый опасный момент?!! Значит, быть тебе моряком.

Сейчас глядя на эту красоту он понял: «Такое не опишешь и не выразишь словами. Такое надо видеть».

– И правильно сделал, что не ввязался тогда в спор, – решил старый моряк и воин. Только что он и вся команда молили Бога о заступничестве. О возможности им умереть достойно с оружием в руках. Один услышал и сжалился над ними. Именно сжалился. Ибо только бахвал может заявить: «Я укротил Ураган!» Воистину бахвал. Как можно укротить эту необузданную мощь?!! Этот дикий рёв неподвластной стихии?!!

Вот именно сейчас Ост понял: «Задачу своей жизни он выполнил! Передал в правильные руки управление кораблём». Раньше он сомневался. А теперь он уверен. И может спокойно уйти на покой в чертоги Одина. Чуть в стороне киты в полном спокойствии проводили свадебный ритуал. Они на просторах бескрайней морской глади выпускали множество фонтанов. Это было непередаваемое зрелище.

– Надо же?!! – восхищённо вымолвил капитан. И добавил:

– Киты вернулись?!! – он произнёс это, как очередной радостный знак. Великое предзнаменование. Предвестие неслыханной удачи и свершение громаднейших задач.

Ещё в далёкой древности, Ост слышал это от своего деда. А тот в свою очередь от своего прадеда: «Сюда заходили киты каждый год на бракосочетание». Но со временем море обмелело. И киты заходить перестали.

– А ведь раньше, киты каждый год заходили сюда, – обрадованно повторил глава рода, указывая, куда-то на восток, – там у них Родина!..

В те далёкие времена у скандинавов не было проблем с едой. Одного добытого кита хватало на всё селение. А не то, что на семью. А поселения то были – ох, какие большие?! Дед мог до бесконечности рассказывать, про те сказочные времена. Хотя о тех благоприятных отрезках старины, он мог знать только понаслышке.

Когда Скандинавские горы освободились от тяжести льдов, поднялась подводная гряда и перегородила вход в Белое море. Киты перестали приходить в эти края. Народы Скандинавии охватил голод. На чём только можно германские племена покидали поросшие лесом не приветливые горы, совершенно не приспособленные для земледелия. Каждый год. Каждое десятилетие. На протяжении целого тысячелетия, толпы изголодавших и обездоленных: кимбров, тевтонов, бургундов, готов, алеманов, саксов, да разве всех их перечислишь, пересекали Балтийское море в надежде сыскать на просторах Европы, что-нибудь съестное.

– Вы, знаете?!! – продолжал дед. – А ведь борьба стихий, которую мы сегодня видели – явление редкое. Но не впервые случившийся факт.

Дед опять принялся рассказывать о том далёком времени. Свидетелями, которого были его предки. Ещё более далёкие прародители, чем во времена китобоев.

– Тогда тёплое течение не устояло в противоборстве холодному и разбилось на два рукава, – сообщил Ост.

По закону сохранения энергии в природе существует баланс. Если где-то убыло, значит, где-то прибыло. Второй рукав направил свои тёплые воды к ледяному острову. Обогрел его.

Остров зазеленел и стал зваться «Гренландия». А «Незамерзающее море» покрылось ледяным панцирем.

– И закрылся выход рыбаков в море, – продолжал вещать дед-воин. – И если бы, не китовый промысел в закрытом море, то люди бы не выжили. Ныне же, как видите всё наоборот – Гольфстрим устоял.

Ласково светило солнце. Моряки не заметили, как попали в окружение стай китов. Самцы величаво красовались, показывая дамам свою мощь. Они, набрав воздуха, ныряли на глубину, оставляя, после себя большие круги. И начинали петь. Их монотонное натуженное пение сотрясало. Эти звучания не были слышны. Но ощущались какими-то не понятными человеческими фибрами. Через состояние окружающей среды. Через состояние окружающего мира. И эта атмосфера завораживала! Клокотала внутри людей, поглощая всех и всё, во власть этого воздействия. Солнечные лучи, отразившись от нежно-голубых торосов, слепили глаза. Сегодняшняя буря поразила капитана своей мощью. Он даже испугался, что не переживёт её и уйдёт из жизни без оружия в руках и не попадёт в рай Валгаллы.

– Ауст, – рассказчик обратился к правнуку. – А это ведь не простой знак. Ты, первый раз вышел в море. Но я сразу увидел в тебя, как только дал тебе рулевое управление, что, ты, настоящий кормщик. Кормщик от Бога. Все остальные сопутствующие знаки: возвращение китов и борьба стихий, посланная Одином на твоё испытание, лишь подтверждает это. Тебя ждёт **ВЕЛИКОЕ БУДУЩЕЕ!!**

Все собравшиеся были согласны с суждениями деда. Благодаря Аусту они не утонули в морской пучине как рабы без оружия. И у них всё ещё остаётся надежда – попасть в рай и провести остаток своей жизни в компании прекрасных Валькирий. Дед сходил в трюм и вернулся наверх в полном облачении воина.

– Я принял решение, – заявил он. – В обход своего сына. В обход своего внука. В обход всех своих старших правнуков, передать штурвал управление кораблём Аусту.

Команда молча поддержала выбор главы рода. Дед весь поход наблюдал за умелыми действиями, своего младшего внука. Но самого способного в морском вождении корабля. Передать капитанство не по старшинству. А через голову?.. И даже не одну?! Было не простым решением. Это был прецедент. Но, здравый и правильный выбор в разрешении долгого затянувшегося вопроса.

По иерархии рода кормчим мог стать самый старший. Самый опытный член. Так истари повелось. Но стечение обстоятельств наложили свой отпечаток. Ост видел в этом знак. Не зря он коротал столь длинный жизненный путь, ища достойного. Но никто из членов его семьи ещё не был готов взять на себя это бремя. Бремя ответственности за свой род. И вот этот час настал?! Он может быть спокоен за свой род. Продолжение рода в надёжных руках. Сегодняшний триумф специально для него приготовленный Одином. Бог специально пришёл ему на помощь, посылая указ свыше. Теперь он был убеждён – это именно Один помог ему вынести правильный вердикт. Он подошёл к Аусту и вручил ему право на управление кораблём. И тут же со словами: «Один!! Я иду к тебе!» Взмыв руками вверх, он шагнул в море. В одной руке он держал обнажённый меч, во второй кружку для эльфа. Перед ним раскрылся бескрайний простор Севера. Мощь, залитая ярким полярным солнцем с множеством фонтанов. Море послушно и безропотно приняло и поглотило воина в тяжёлых доспехах.

Все как по команде спустились в трюм. Облачив на себя доспехи, моряки вернулись на палубу с бочонком пива. Разлив по чаркам веселящий напиток, они воздали дань уважения ушедшему от них воину Осту. И воззвав к Одину, просили Бога принять их товарища в свои чертоги. Выпили и за нового кормчего. Невдалеке проплывали айсберги. Ледяные каравеллы, отправлялись в свободное плавание. Они лучезарным свечением. Сплошным радужным потоком приветствовали нового капитана. Массивные киты-самцы, как ни в чём не бывало, продолжали петь. Сотрясая глубины моря и сердца важно плавающих рядом невест. Иногда

морские гиганты подходили к кораблю совсем близко. Возникало ощущение, что разворачиваясь, кит вот-вот ударит по судну и причинит ему не поправимый урон. Но они, умело координируя своим телом, ни разу не коснулся корабля. Перед всплытием киты выпускали огромный фонтан и вырывались из морской пучины, как исполины. Возникало ощущение, что это Ост передаёт свои фееричные «Приветы» и сообщения, о том, как его хорошо принимают в Валгалле. Набрав воздуха, киты-исполины, вновь, уходили под воду, продолжая наполнять округу своим пением. Этот звук бил по корпусу корабля, как очередное послание Оста. Стучал в самое сердце каждого из моряков, разбегаясь по телу и наполняя его отвагой и воинским духом.

Путину рыбаки решили завершить. Благо весь улов, что летал с ними по воздуху, благополучно вернулся на корабль. Не только бочки, но и тот, который они не успели ещё разложить в приготовленную тару.

«Курчавая Голова» после столь важных событий решил: «Только с Аустом его дочь Идэн может обрести полное счастье и семейный покой».

– Вдвоём мы судно будем строить долго, – резонно рассудил Форсет. Отец, прекрасно знал: «По возвращению родственников Ауста с моря, юноша непременно зайдёт к ним с Хиль сватов».

– Дамы! – с порога известил о своём появлении «Курчавая Голова» и, поцеловав, улыбающуюся жену добавил, – у нас гости!.. А где, дочь?

– Что-то ей нездоровиться, – сообщила «Мать Природы». – Уже, который день не выходит!

– Сейчас вылечим! – громогласно заявил муж.

– Смотри, какое я ей лекарство привёз?! – он указал во двор, где запланированный жених, уже принялся тесать сосновую мачту будущего корабля.

ГЛАВА II

Языки пламени принялись лизать поленья, брошенные Идэн в костёр. Просушенные остатки строительства неистово вспыхнули и запылали точно хворост. Пламя взмыло вверх. Обдало ей лицо приятным теплом. Набирая силу, пламень разрасталось и разбегалось по телу согревающим жаром. Комья вара растапливались. Растекались по днищу чёрного ведра. Превращались в жидкость. Булькали, образуя пузырьки. Пузырьки лопались на поверхности чёрного кипятка. Издавали своеобразные хлопки. Идэн боковым зрением тайно наблюдала за Аустом. Красивый ладно сложенный парень шурился топором очередное бревно. Уже который день она любит его. Смотрит, как он умело превращает, когда-то высоченные сосновые стволы в доски. Юноша также украдкой поглядывал на неё. Когда их взгляды встречались, они одновременно отводили их в сторону. Вар хлопал. Подымался тёмной пеной. Смола готова и, вот-вот, должна была пойти через край. Надо было сообщить Аусту, чтобы он забирал ведро. Но девушка стеснялась.

– Больше ждать нельзя?.. Иначе убежит, – рассудила Форсет.

– Варка готова, – наконец-то, набравшись смелости, прокричала она. Только, так тихо, что сама удивилась: «Как от стеснения у неё сел голос?» Но, он услышал её. Точнее – давно уже ждал от неё сигнала. Ауст слышал её и чувствовал...

– Сейчас заберу, – задорно прокричал Игл. Он бодро спрыгнул на землю и поспешил к кострищу, надевая на ходу кожаную рукавицу.

Горячая живица, лишившись огня успокаивалась. Побулькивала. Издавала последние вздохи. Хлопков становилось всё меньше и меньше. Надо было скорее смолить, пока она не застыла. Ауст энергичными движениями руки промазывал борта и швы корабля. Окунув кисть в ведро, он быстро её переворачивал, чтобы избежать капания жидкости мимо цели. Эти действия происходили неосознанно. На каком-то этапе, промазывающих движений, он уловил смысл этого подсознательного приёма. Цель этой операции – не растрачивать вар понапрасну.

Ибо в него вложен труд и старание своей помощницы. Милой красивой девушки, к которой он был явно не равнодушен. Когда жидкости в ёмкости осталось меньше половины, девушка принялась поливать, остаток варки через край. Чтобы Аусту было удобнее просмаливать, она пускала жидкость тонкой струйкой.

– Так он меньше тратит сил, – считала она.

– Как, ты, умело льёшь вару! – похвалил парень её старания. – Как истинный, умелый корабел?!!

Идэн залилась румянцем. Глаза наполнились радостным блеском. Загорели лучезарным светом, придавая дополнительную красоту и притяжение, сиянию её обворожительных красивых глаз.

Каждое утро Ауст и Идэн с нетерпением ждали начало работы. Чтобы поскорее увидеть друг друга. Она не выходила к общему столу. Стеснялась, что родители могут заметить её равнодушие к гостю.

Работа спорно двигалась. Корабль из-за дня в день набирал рост. Идэн и Ауст уже не стеснялись друг друга. Они подолгу мирно беседовали. Совершенно на разные темы. И что удивительно она ни разу не вспомнила о Хальве. Словно и не было этих долгих, мучительных дней, скрывания на чердаке.

Стоя рядом друг с другом, они забивали гвозди. Шпаклевали и красили борта. Убеждаясь в сходстве своих характеров. Встречаясь глазами, они уже не отводили взгляда. А смотрели друг на друга без смущения. Смотрели и осознавали, что между ними зарождаются отношения. Сладостные. Трепетные. Счастливые. На длительные и вечные времена. Несмотря на трудность работы, от которой у них немели руки и ноги. И болело все тело. Они были довольны, совместным выполнением возложенных на них задач. Считали себя монолитом целого, неразделимого на доли важного дела. И не сожалели об этих, свалившихся на них, трудностях и лишениях. Именуя это не иначе, как счастье. За это время, что молодые люди провели вместе, они узнали друг о друге, как им казалось, – всё. Словно пробыли вместе, целую вечность. Но, даже не смотря на это, сердце Идэн продолжало неистово колотиться внутри.

– Почему, от его присутствия, так бьётся сердце? – спрашивала она себе. И сама же отвечала на этот вопрос: «ЭТО ЛЮБОВЬ!!»

Увлечённые работой и друг другом, они не заметили, как пришла Белая Ночь. Солнце не заходило за горизонт. Оно лишь перемещалось с востока на запад. Оставаясь, где-то у них за спиной. Где-то на севере. Лишь чтобы сохранить за ночью её исконное и подтвердить астрологическое время суток на небосводе величаво появлялась яркая, жёлто-оранжевая Луна. Она порою даже приобретала голубой оттенок.

В один из таких сказочных вечеров Ауст соорудил качели. Он взял длинный такелаж. Привязал канат к могучей ветви раскидистой сосны. Для удобства сидения посередине положил доску.

Идэн точно птица парила над землёй. С каждым очередным взмахом она улетала в убегающую высь. Ветер, обжигая, бил ей в лицо. От резкого взлёта радостного свистело в ушах. А чарующая высота создавала иллюзию бесконечного пространства. До самых небес. Её широко раскрытые глаза наполнились неопишуемым счастьем. Она заворожённо смотрела вперёд. В голубую бесконечную даль неба залитого золотистыми лучами Солнца и магическим светом таинственной чарующей Луны. Охваченное восторгом лицо Идэн сияло. Щеки порозовели. Она смеялась радостно и от души погружённая в этот сказочный аромат стихии. Молодость раскрылась в ней, обнажая её и наполняя. Со всей присущей лишь ей молодости чарующей обаятельностью и весёлой, ликующей, притягательной непосредственностью. Скользя, между пространством Выси и Земли, Форсет с каждым взмахом улетала все выше и выше. Ветер разлетался по сторонам. Качания приобрели такую скорость, что напоминали мотание маятника. С такой стремительностью, что Идэн нельзя было рассмотреть. И если бы не светя-

щиеся на лету глаза, то можно было бы подумать: «Что это носится по небу не видимый фантом, в раздувающихся одеждах». Глаза её светились точно звезды на небе. Волосы растрепались и следовали за ней словно шлейф. Одежды клокотали на ветру. Словно буря полоскала их. Как стихия полощет стяг или парус на корабле викинга. Она наслаждалась полётом. Это была её среда. Её стихия. Её воздух. Светлые, пшеничные волосы девушки, с лёгким рыжим налётом, в небесных лучах отливали янтарём. Ауст любовался ею. Как прекрасна?! Величава!! И могущественна была она в этом полёте!! Безудержно улета в лазурную высь. И возвращаясь обратно подобно морю. Да что там морю?! Океану!!! Океану, разыгравшемуся во время шторма. Титану бескрайнему и неукротимому.

– Ой – й – й!!! – испускала она восторженный вскрик и улета ещё выше в небо. И тут же со свистом пронеслась обратно. Чтобы вновь взмыть, набирая очередную высоту. Она ликовала и наслаждалась полётом и музыкой разносившейся по округе.

Ауст как-то из ветки выстругал рожок. Украсил его не замысловатой резьбой. Получилось очень даже красиво и удобно играть. Сейчас он сидел на бугорке и играл какую-то лирическую мелодию. Музыка порою переходила в воинственный марш и возвращалась обратно к нотам певучим и растянутым. Так меняя темпы, он играл для неё сидя на своём возвышении. В вышине под самым сводом высоченной сосны мелодия звучала торжественно. А в самой наивысшей точке своего полёта звучание было величаво настолько, что Идэн хотелось затормозить – остановить время. Остановить своё пребывание в этом пике. И наслаждаться и наслаждаться этими звуками. Находясь в таком состоянии, она отчётливо видела и верила в уготованную ей с Аустром, прямую дорогу. И идти, поэтому пути они будут вместе твёрдым шагом. Она считала, что в этих – создающихся отношениях, закладывается основа их крепкой, дружной семьи. Их династии счастливой и безмятежной. Семейства безукоризненного и ясного. С приятной сытостью. Всеобщим удовольствием и достатком. И, само собой разумеется – любовью. С взаимным наслаждением и любованием друг другом. И непоколебимой уверенностью, что им вдвоём всё по плечу. От всего этого, нахлынувшего счастья, ей хотелось плакать. С Хальвом у неё таких ощущений не возникало. Хотя знала она его уйму лет. И как ей казалось досконально. Но чувства туманной дымки не покидали её на протяжении всего времени их общения. Может поэтому она так довольно-таки безболезненно пережила его обман и расставание. Нет?! Она любила Хальва. Иначе не были бы пролиты те реки слёз. Не было бы тех бессонных ночей, проведённых в проёме чердачного, слухового окна. Но сейчас ей казалось то время чем-то далёким, далёким. Полосою неудач происходивших явно не с ней.

– Да, – трезво рассудила она. – Любовь к Хальву была у неё первой. А первая любовь что-то наподобие ветряной оспы. Болеют в детстве, однако шрамы остаются на всю жизнь. У неё этих шрамов не было. Должно быть, правило ветрянки в её случае действовало безукоризненно: «Чем раньше переболеешь – тем меньше шрамы». Или же лекарь попался правильный?! И его, чудо-лекарство – сильно концентрированная зелёнка сделала своё безукоризненное дело, не оставив следов. По крайней мере, она была уверена: «Любовь к Хальву не оставила у неё – ни на теле, ни в сердце – ни каких последствий. Хальв был хорошим. Иначе бы она не полюбила его. Но, в нём к сожалению не было того самого решительного – «НЕТ» каким обладал Ауст. Хальв был ведомый. Нежели этот загорелый и прекрасно сложенный корабел с харизмой явного северянина.

Бедность княжеского двора понудила Ирвинга Старшего породниться с богатым бондом Филиппом. Не в состоянии противиться отцу Хальв женился на старой деве. Сразу же после свадьбы он отбыл со своею женою в отведённый отцом удел, негодуя на свою слабость. Выделенным уделом оказалась заброшенная заимка в горах. А сам отъезд больше напоминал бегство. Бегство от всех. И от самого себя. В первую очередь Хальв Ирвинг Младший бежал от стыда своего неудачного супружества. Не такой он представлял свою семейную жизнь. А теперь ему приходилось прозябать в лесной глуши. Среди бочонков браги и пива. Он время

от времени думал об Идэн. Рассуждал: «Как бы у них было всё хорошо?!» Он любил её и продолжал любить. Но ни разу не подумал о причинённой ей боли.

– Да?.. – рассудила Форсет. – Хальв это не Ауст?!!

Внимание Игл «Морехода» размягчило сердце Идэн. Согрело и дало ей уверенность. Как она считала: «На всю оставшуюся жизнь!!!»

– Любит! – говорило ей сердце. И девушка Идэн была с этим полностью согласна. Луна и Солнце продолжали занимать своё место на небосводе. Небесное противостояние двух светил, музыка Ауста и пение множества крошечных птичек превратили окружающий мир в волшебный сад.

– Алтарь любви, – подумала она. Ей казалось, что это всё для неё. И в её честь. В траве множество цикад и кузнечиков приветствовали Форсет своим стрекотанием. Где-то в глубине чащи неустанно куковала кукушка.

– Кукушка!!! Кукушка!!! Сколько мне жить?? – прокричала девушка.

Наполненная радостным порывом юная особа принялась загибать пальцы, попеременно меняя руки. Когда подошёл очередной черёд – смены руки она задумалась: «Какую руку подставить для дальнейшего учёта своих долгих летоисчислений?»

Задумалась и кукушка.

– Пятнадцать?.. – переспросила Идэн. Не то себя?! Не то кукушку?! Но ответа не последовало...

– Должно быть её согнали?.. Кукушка перелетела на другое место, чтобы продолжить добавлять мне годы, – успокоила она себя.

Но неприятное состояние испуга уже вселилось в неё. С каждой секундой тревога нарастала. Всё больше. И больше. Ей захотелось вниз. К уверенному в себе молодому человеку с «Долины Туманов». Чтобы он успокоил её. И вселил в неё хоть какую-то часть своей могучей уверенности.

Девушка стала останавливать качели.

Игл, видя, что движение замедляется, закончил играть. Стал приближаться к ней. Всё ближе и ближе. По мере того как уменьшалась раз от раза амплитуда качания, уменьшалось и расстояние между ними. Она почувствовала его приближение. Но сердце не успокаивалось. Оно продолжало тревожно биться внутри. Трепет нарастал и всё больше и больше овладевал её. Начавшийся озноб породил новый всплеск паники. Её лихорадочно трясло. Трясучка усиливалась. Ужас неизбежной гибели захватывал девушку всё больше и больше и перерос в панический страх. Страх нарастал и вселялся в неё всё больше и больше и как полноправный хозяин уже распорядился её судьбой. Сердце тревожно колотилось, словно загнанный в колесе бельчонок. Она, уже ничего не осознавая, в растерянности отпустила канат и полетела вниз. Её волнение передалось Аусту. Он, еле успев подхватить любимую у самой земли.

– Как, ты, меня напугала, – в сердцах выпалил «Мореход» и понёс её на руках. Нёс легко и непринуждённо. Ей казалось: «Это эльфы несут её на нежных крыльях». И хотелось смеяться от нахлынувшего на неё счастья. Смеяться безудержно радостно и от всей души. Она тут же забыла о кукушкином гадании. И даже переборов стеснение не стала вырываться из его объятий. Хотя сердце продолжало неистово биться. По-заячьи колотясь о стенки её души. А наоборот Идэн Форсет прижалась к нему ещё крепче. Сама не осознавая почему, ради подстраховки, чтобы не упасть?! Или ради удовольствия?!!

Внутри Ауста напряжение, также росло. Игл прекрасно понимал: «Что разрешить это состояние он сможет, лишь выразив в своём признании в любви к ней?!» Однако голос его не слушался. А подымающиеся из глубины чувства застревали где-то в районе горла. Встав комом. В этот самый момент Идэн посмотрела на него таким радужным опьяняющим взглядом. Обдав из-под длинных вспрыгнувших вверх ресниц блеском обворожительных красивых

глаз и располагающей взаимности. Взором такой притягательной силы и дающей уверенности, что он тут же выпалил:

– Я тебя люблю!

Сказав это он, окончательно и навсегда, связал свою жизнь с ней. Прекрасно понимая, после этого шага уже не может быть обратного хода.

– Наконец-то, – подумала она. Услышанные слова признания радостно понеслись внутри неё.

После приземления девушка в какой-то момент смутилась. Отвела свои глаза. Но от слов признания она подняла вспыхнувшее азартом и радостью лицо и их глаза встретились и засияли.

– Я тебя люблю, – повторил он.

Сердце Форсет, было успокоившееся, опять неистово заколотилось внутри, перерастая в дрожь. Она не осознавала, что с ней происходит. Откуда столько пляшущих, дурманящих сознание звуков. Девушка почувствовала нехватку воздуха. Она хотела сказать:

– Нет, – но внутренний голос почему-то молчал. Смутное состояние тревоги и сомнений куда-то исчезло. От набежавших ощущений и недостатка воздуха, у неё закружилась голова. Она машинально силилась выдавить это застрявшее: «Нет». Но воздуха не было в её груди, чтобы сказать это «Нет». Она глубоко вдохнула, глядя на Ауста. Глядя, в его сияющие счастьем голубые бездонные глаза. Слово два глубоких озера. И вместе с воздухом, она вдохнула в себя ЕГО. Ауста. Целиком и без остатка. Слово это и был её единственный воздух. Ради него, она родилась. Жила на свете. И будет жить дальше. Ради него одного и их безраздельного счастья вместе.

Поведение Игл «Морехода» возымело своё действие. Идэн Форсет успокоилась и, положив голову на его плечо, закрыла глаза.

ГЛАВА III

О правителе Хальве Ирвинге Младшем можно сказать следующее: «Человек он был ветряный и не далёкий. Думал, лишь, о пирушках, викинг набегах и женщинах».

Когда-то в детскую пору он мечтал жениться на красавице Идэн. И с сыновьями покорять новые земли! И страны!! И даже сам Рим!!! Всё возможно бы так и было. По крайней мере, всё к этому шло. Но из-за несусветной бедности по настоянию отца ему пришлось жениться на Изольде. Старой долговязой женщине по прозвищу «Верста Из». Изольда была дочерью богатого бонда Филиппа, которого за глаза все называли «Скряга». При личном же общении его величали – Филипп «Богатый» во избежание неприятностей. «Из» никто не хотел брать замуж из-за её не складности и ужасного характера. Жизнь обделила её заботой и нежностью, зато с избытком наделила скупостью и ненавистью к окружающим. Жили Хальв с Изольдой, сжав зубы. В атмосфере взаимного презрения. Обид и полного не понимания и нежелания слушать друг друга. Супруга осыпала мужа таким порывом ненависти. Причём, ненависти беспричинной. С добавлением зубного скрежета и безмерной вулканической ярости. Что казалось, вот-вот запахнет жареным, как у последней черты. Властная «Из», не желающая ни с кем считаться, жила по своим убеждениям и правилам. Порою даже ей самой не понятным правилам.

Младший Ирвинг во избежание конфликтов пропадал на охоте и пирушках. И не заметил, как превратился в нервного, вечно пьющего и разгуливающего по ночам лунатика. Где-нибудь у себя на затерянной в глуши охотничьей избушке. После свадьбы Хальву казалось, что все ярлы подтрунивают над ним. За глаза конечно. Но, он думал об этом постоянно. Беспредельные мысли о своей, ущемлённой и убитой Изольдой, личной жизнью переросли в ярость на всех женщин. Какие только представительницы женского рода встречались на его пути. Чтобы хоть как-то компенсировать свою, как ему казалось, ущербность. Он, при разделе военной добычи, брал ни драгоценностями и прочими богатствами, а персонами слабого пола, которых расселял по своим резиденциям. Отчего и был прозван Хальв «Штаны Нараспашку».

Пиры. Походы. Утехи любви. Эти три столпа и стали составляющими его жизни. Порою перебор милых дам был настолько велик, что охватить всех ему было не под силу. Помимо основного своего женского предназначения, захваченные на войне особы, трудились на тяжелейших сельскохозяйственных работах и в кузницах. Без каких бы на то привилегий. Редчайший случай, когда кто-то из наложниц выделялся в приближенную тиру. На которую помимо всего прочего возлагались ещё и обязанности ключницы – смотрительницы дома.

О морально-нравственной стороне конунга говорить не приходится. Её как таковой и не было. Это был обычный образ жизни древнего скандинава. Яма, в которую Хальв свалился благодаря времени. Смалодушничав тогда он так и не нашёл в себе сил прийти к Идэн и извиниться за содеянный обман. Пусть даже если этот обман и был совершён им по принуждению. Волнения, которые бушевали в нем, он подавил брагой и пивом. Постоянно, погружаясь в покой алкогольного забвения, как состояние равновесия, превратившиеся для него в пытку жизни. Он катился по наклонной. Деградировал и терял свой облик. И что удивительно даже не желал этому противиться. И что-то менять. Он летел в пропасть им самим же уготованную...

Всё своё время, Ирвинг проводил в ничегонеделании. Это бездействие он удачно совмещал с бессмысленным пьянством. Заполнял всю свою никчёмную жизнь лишь только этим. Застолье стало его единственным центром событий. Пирушки ничего не оставляли после себя кроме головной боли. Время от времени он пытался размышлять. Размышлял о не возвышенных материях. А о думах приземлённых: «Не отправиться ли ему в поход?..»

Но все потуги здравости Хальва по лабиринтам своего разума замыкались на собственной же персоне. И приводили всё к тому же застолию. В начале пира он пробовал рассуждать. Блуждал по развалинам своих возведённых планов. Обозревал туманную даль, когда то торной дороги. А теперь зарастающую бурьяном. Он всё больше и больше погружался в океан праздности и безмолвия. Праздник без праздника угнетал. Конунг уже даже не осознавал, что для поднятия духа: «Необходимо что-нибудь сделать!.. Не обязательно чрезмерно полезное! Но хоть что-нибудь?! Но сделать?!» А он лишь продолжал уповать на то, что жизнь злодейка сломала его целеустремлённость. И благодаря своим не мысленным путам связала его. И теперь ему не выбраться из её зловещего мешка.

Это повторялось из дня в день. И пока конунг Хальв Ирвинг приходил в обычную уже привычную для него лежачую кондицию. Он что-то мямлил. Истолковывал в пустоту безлюдного зала для пиров свои оправдательные доводы. И мирно за этим занятием засыпал.

ГЛАВА IV

– Что с тобой, дочь, моя? – гнусаво изрёк Филипп «Богатый».

Когда он начинал говорить, голос его звучал настолько громогласно, что хотелось заткнуть уши. Слово этот возглас рвался специально из глубины пустой бочки с целью порвать барабанные перепонки. У дочери были заложены уши, поэтому она эту крайность голоса папы не ощущала.

«Богатый» приехал навестить Изольду и своего внука, и был крайне удивлён, увидев свою любимицу такой замкнутой и обескураженной. «Из» и раньше не слыла весёлкой, но такой подавленной он её не видел никогда.

– А, где внук?! – радостно спросил он. Филипп не хотел поддаваться её хандре и сделал вид: «Как будто ничего противоестественного не происходит, и волноваться нет причин».

– Он с няней, – ответила она. Отец не стал уточнять: «Где и почему?»

На все его последующие вопросы она, лишь, молчала.

– Что с тобой происходит? – в очередной раз спросил он. – Какой смысл во мне?! Если, ты, не можешь мне открыться?.. Где твой муж?

– Где-то на охоте?.. – также сдержанно ответила она.

– И, ты, не знаешь где?

– Нет. Мне это не интересно.

– А как давно его нет?..
– Давно, – беспечно добавила Из.
– Как давно, ты, не видела его?.. – папаша, уже негодуя, перешёл на резкий тон.
– Давно.
– Давно?! Это сколько времени?.. – отец создал свирепое лицо, от которого в своё время дрожали покойники.

– Не знаю сколько!.. Я за ним дни не считаю!
– Два?.. Три дня или десять?
– Два, три месяца!.. – демонстративно выражая негодование, заявила дочь.
– Два?! Три?.. Месяца?! – родитель погрузился в глубокое недоумение. Но радость предстоящего азарта заиграла в нём живительным огоньком.

– А может даже и больше?! А тебе что с того?!
– Как, что с того?! – радостно сияя, вскричал Филипп.
– А так!.. Мне всё равно. А, тебе, что за забота?! Когда, ты, успел, его так сильно полюбить?!

– А, вот, в эту самую минуту и успел полюбить!!! – былой задор неугомонного скряги, потонул в хитровой улыбке тестя.

– А может он в походе??? – засомневался отец.
– В каком походе?! Он уже давно не ходит в походы!.. Если только в пьяном – походе?!
– В пьяном походе?! Это было бы даже самое лучшее?! – прежняя рассудительность опять водрузилась на зловещем лице «Богатого». Он, не перебивая, принялся выслушивать теперь не на шутку разговарившуюся дочь.

В непринуждённой беседе она поведала отцу о совместной жизни с мужем, которого, как выяснилось, давно уже не видела.

– Ты, должна с ним развестись!.. – заявил Филипп после долгих размышлений.
– Зачем?.. он мне совсем не мешает!..
– Надо!..
– Не надо!.. Я не для того за него выходила, чтобы разводиться?! Или, ты забыл?!
– Я ничего не забыл?! Но ситуация изменилась! И складывается в нашу пользу, как нельзя кстати.

– Это отчего вдруг?! Что такого произошло?!
– Для нас лучше, чтобы его не было – вообще.
– Это как?..
– А, так?! Нет его?! Пропал... – перешёл на шёпот отец.
– Как это – пропал?.. – жена не столько волновалась за мужа, сколько ей стало интересно.

У Филиппа «Богатого» ничего просто так не бывает. Теперь любопытство вселилось в неё. – А зачем, ему пропадать?..

– А вот... зачем?.. – радость охватила Филипп. Он, уже, не мог сдержаться и ехидно улыбался. В его голове играла музыка невероятных афер. Отец решил не высказывать ей всего плана действий. Вдруг если что-то пойдёт не так, чтобы она не сболтнула бы чего лишнего. За это можно лишиться не только головы?.. Но ещё прежде угодить на кол.

– Как? – уточнила Изольда после высказанных отцом предложений.
– А вот... как?.. Садись и слушай дальше!

Затея по захвату власти к нему пришла не сразу. Изначально, планируя свадьбу дочери с сыном конунга, он намеривался: «Всего-навсего получить, титул своим потомкам». Выход к внешним границам, позволял полученной территории быть самостоятельной и считаться суверенным государством. А ему быть: фактически государем. Регентство при внуке, давало ему такие права. Заимка «Козла» была выбрана не случайно – она граничила по перевалам со шведами.

– И где мне взять рано утром трёх свободных людей в свидетели, подтверждающих отсутствие конунга ночью?.. Здесь же никого нет?! – заявила дочь, выслушав план отца.

– Тогда возьми в свидетели, трёх рабов! И ступай на тинг, – отец подбадривающе добавил. – Пусть заседатели на «Холме Закона» решают твою судьбу!

– А где мне взять его рубашку, чтобы сделать на ней разрез на женский манер.

– А, что – в доме нет его рубах?

– Не знаю?.. Я не интересуюсь его одеждой.

– Тогда повесь свою распашонку, – посоветовал Филипп.

Скандинавские рубашки были длинные и широкие по покрою. Отличались – мужская рубашка от рубашки женской, лишь разрезом. На женской распашке был длинный разрез спереди, а мужская разреза не имела. Чтобы известить окружающих о разводе и своей свободе, надо было взять мужскую рубашку и сделать на ней длинный разрез – по аналогии с женской прорехой. После чего повесить её у входа в дом на все обозрение. Это и служило, извещением мужу, домашним и всей округе о предстоящем расторжении брака.

– Повесь у входа в дом, – наставлял отец, – но чуть на отдалении, чтобы видно было всем. Главное обзор!

Изольда до конца не посвящённая в курс действий опять принялась молчать. Слушала родителя в пол-уха, не понимая, зачем вся эта катавасия. А Филипп «Богатый» наполненный задором не унимался:

– Через четырнадцать дней. После оглашения Законоговорителем решения: «Ты будешь разведённой!..» Оставаясь при этом княгиней и с половиной имущества.

– Да?.. – глаза Изольды засияли.

– Во!! Я, узнаю свою Из!!

– А если тоди не вынесет нужного нам решения? – княгиня вновь погрузилась.

– Не имеет права!.. Ни кто не может лишить женщину счастья! Муж, не желающий видеть свою жену, уже не муж?.. Женщина не должна страдать, если её муж где-то там пьёт!.. Тоди не может вынести другого решения. На то он и Законоговоритель, чтобы судить по справедливости!

Лицо правительницы ожило и повеселело.

Но отец не договорил о своих дальнейших планах. А планы были таковы. Свести со света Инга Ирвинга Старшего. Смерть отца Хальва позволяла после развода владеть половиной государства. А не каким-то клочком в горах?!! А фактически иметь полный контроль над всей территорией Ирвингов. Отсутствие Ирвинга Младшего давало Филиппу «Богатому» такое право и возможность.

Рабу, смотрящему за свиньями, «Скряга» под угрозами велел убить конунга Ирвинга Старшего. И не где-нибудь?!! А в свинарнике!!! Получив такую позорную смерть: «От рук раба?!! Да ещё и в свинарнике?!!» Это событие из всех сил будут стараться предать замалчанию. А полное забвение это как раз то самое на что Филипп и рассчитывал. Раб должен был убить правителя вечером. Чтобы Инг за ночь истёк в хлеву кровью. Но исполнитель, напившись для храбрости, перебрал с выпитой мерой и совершил задуманное под утро. Конунга почти, что сразу нашли и остановили кровь. План сорвался. Но не таков был Филипп «Скряга», чтобы отступать и сдаться на половине пути. Знахарь по просьбе Филиппа дал конунгу большую дозу обезболивающего средства. А заботливый родственник, находящийся при нём неотступно, лишь потом добавлял раненому и добавлял парализующий отвар, повышая норму. Старший Ирвинг впал в спячку. Замер. И точно усопший, уставился остекленевшими глазами в потолок.

Через четырнадцать дней, после развода, Филипп велел Изольде отправить все корабли: и торговые, и военные в море. За исключением флагмана конунга. Главный корабль страны

должен был готовить к траурной процессии. «Скряга» жил понятием – капитал должен работать. А имеющиеся простои кораблей считал грехом невероятной тяжести.

– Корабль рождён для моря!.. Да?!! В бухте у причала ему безопасней?!! Но, он рождён для моря, – с таким напутствием Филипп «Богатый» отправлял моряков в путь.

Отец Филиппа «Скряги» был бесерком. Но не тем бесстрашным воином, который для своего бесстрашия принимает перед боем дюжину взбадривающих настоев, из разных трав и грибов. Он и в поход то никогда ни ходил. А ратным занятиям нашёл достойную замену – промышлял раскапыванием могил погребённых конунгов и богатых ярлов.

Подкрепившись для храбрости воинственным, сильнодействующим настоем он хватал кирку и принимался ломиться в погребение усопших.

На этом он и сколотил своё состояние, приобщив к этому делу и сына. Вскрывая могилы, отец всегда напоминал отпрыску своему: «Не клади при моём захоронении в могилу никаких сопутствующих предметов!!!»

– Откуда у них такие богатство?!! – задавали себе вопрос соседи. Но не находили ответа. За жадность старшего звали – «Хап». Ни кто не помнил его настоящего имени. А младшего не особо-то уступающего в жадности старшему – «Скрягой». Но однажды отец Филиппа пропал. Точнее сын оставил его в могиле. Они раскопали очередную могилу. Отец спустился вниз, а из гроба послышался звук. Филипп испугался и уронил в яму верёвку. Верёвку, по которой ничего не боящийся папа должен был выбираться обратно.

А дело было так?!

Похоронили воина бессерка по прозванию «Бесстрашный и Неуязвимый». Бесстрашного воина! Настоящего викинга. Он прошёл ни одно сражение. И всегда выходил из всех баталий победителем. Для бесстрашия своего он принимал какой-то сильнодействующий отвар. Снадобье готовил сам. Ни кому состава того зелья не открывал. Благодаря этой тайне, ни у кого такого оружия не было. И превзойти его в доблесть ни кто не мог. Слыл «Бесстрашный и Неуязвимый» знатным воином и почитался в округе. О нём даже слагали песни. Готовил он снадобье всегда про запас. Хранил его у себя в подвале. Куда вход был строго-настрога запрещён. Даже домоладцам. Он настолько пристрастился к своему напитку, что принимал его уже не только перед боем. Но и в обыденной ситуации. Закрывшись в подвале, он возливал в себя не малое количество этого самого универсального приготовления из трав сильнодействующих и не меньшего количество грибов галлюциногенных. Одурманенный, он принимался громить всё, что попадалось под руку в своём специально отведённом зальчике для пиров. Потом затихал. Мирно спал на лавке, уставившись остолбенелыми глазами в потолок. После одного из таких пиров он спал дольше обычного. Родственники решили, что он умер, и похоронили его. Положили с ним в могилу, кроме богатств, украшений и оружия, ещё и пузырьки с этим самым сильнодействующим снадобьем. Которые он любил больше жизни.

В эту же самую ночь, чёрные старатели раскопали могилу «Бесстрашного». И как только «Хап» смахнул с гроба последнюю погребальную земельку, изнутри послышался стук. Филипп онемел. Мало того, что он испугался и нечаянно уронил верёвку вниз, он ещё и убежал.

Филипп был по природе не только интриганом. А человеком осторожным и предусмотрительным. Он в своё оправдание придумал легенду. Созвал тинг. На собрании он заявил: «Якобы погребённый и отец были давними друзьями. Но держали это втайне от всех. И вот теперь когда „Бесстрашного и Неуязвимого“ не стало отец не может перенести эту утрату. Он ушёл к нему в заупокойный мир, и будут они там теперь неразлучны».

Данная новость – «Дружба доблестного викинга и отца Филиппа» на сходе всех удивила. Этот уход селянина никого не расстроил. Никто в селе «Хапа» не любил. Они всем собранием перешёптывались. Пытались вспомнить его настоящее имя. Чтобы правильно помянуть усопшего. Но не могли вспомнить: «Как его зовут?» А спросить у сына постеснялись – дабы не огорчать его дополнительно.

– Поминки справить бы надо?.. – предложили селяне Филиппу. На что сын отмолчался. Решил сэкономить и не праздновать погребальной тризны. Чтобы избежать дополнительных вымогательств селян, он сослался на горе и покинул собрание.

После ухода Филиппа, кто-то предложил провести расследование: «Уж больно сомнительной ему казалась версия дружбы „Хапа“ с „Бесстрашным“? Один был викингом!.. Второй барыга!» Предлагаемого одёрнули. А предложение дознания не поддержали. Зато все как один были едины во мнении: «Поминки надо справить».

– Не по-человечески это?! – все как один на тинге выражали своё мнение. – Может, соберём общую тризну и своими силами проводим ушедшего?!!

Все были не против поминок. И считали это обязательным и необходимым. Но конкретных организаторов не нашлось, и данное предложение свели на нет. Мало то, что «Хапа» никто в селении не любил. Все ещё и побаивались этого скрытного семейства, живущего на самом отшибе. Даже скорее в лесу – на заимке.

А Филипп, как ни в чём небывало стал продолжать жить поживать, как будто ничего и не произошло.

Но как-то его очень сильно заколотило. Затрясло всего-всего. И он услышал голос отца. От этого страшного ведения ему стало холодно. Несмотря на то, что изба была протоплена. И очень даже сильно протоплена. Ещё тлели в печи последние угли. Но в помещении вдруг стало зябко. И что-то завьюло. Загудело. И загуляло по дому. Подобно как гуляет по двору, завывая, разбушевавшаяся метель.

– Семь дней же сегодня минуло, – подумал с ужасом хозяин и понял. – Что отец видно, в самом деле, погиб?.. Его должно быть задрал усопший бессерк?.. Ибо не зря, он слыл воином бесстрашным и кровожадным.

– Надо было тризну справит?.. – расстроено подумал он. Как в дверь постучали и голосом отца велели открыть. Филипп решил не отвечать. На всякий случай он для большей надёжности ещё и подпёр массивную дверь ломом.

Привидение постучало вновь. И после этого, не останавливаясь, гремело и гремело. Требования впустить его звучали всё интенсивней. Звучали они невнятно. Но Филипп по какому-то интуитивному пониманию улавливал их суть. Прислонившись к дверному глазку, он наблюдал, что происходит снаружи.

– Я сильно замёрз и больше не могу сидеть в могиле, – расслышал он. При этом оборотень усиленно тряс головой. Работал желваками. И строил разного рода рожи. Должно быть, гримасничал он из желания согреться. Нежели напугать кого-то. Филипп видел, как в свете луны и под завывание разгулявшейся на ночь метели заиндевелое аморфное существо покачивалось. Испускало еле уловимые фразы наполненные возмущением и негодованием.

– У нас с бессерком закончился настой, – опять изрекло приведение. На этот раз более членораздельно, чем раньше.

До этого речь ночного гостя была почти, что не внятной. Это нагоняло дополнительного страха именно от своей неясности. За дверью принялись переговариваться.

– Он не один, – рассудил Филипп. Промелькнувшая мысль в голове не внесла, каких-бы то ни было, дополнений к его действиям. Он остался при своём мнении: «Пришельцев в дом не пускать!»

Оборотни опять принялись говорить, должно быть на понятном только им языке. Филипп, из услышанного, не понял ничего. Гости, видя, что на предложения открыть, ответа не следует, принялись ломиться. Эти требовательные действия всё нарастали и нарастали, что ещё больше приводили сына в ужас. Тяжеленая дверь, на крепких кованых засовах, вот-вот должна была сорваться с петель. Когда действия за дверью стихли, и привидения исчезли, хозяин отошёл от глазка. Он направился к окну. Посмотреть, что же происходит во дворе. Он прислонился к матовой плёнке бычьего пузыря, в желании прояснить происходящую ситу-

ацию. Как холодные цепкие руки сжали его за горло и начали душить. Сквозь прорванное отверстие окна Филиппа обдало холодом. В проём разрушенного небольшого оконца ворвался стремительный пронизывающий ветер. Он с такой силой закружил по дому, поддерживая нападавших ночных гостей. С заочневших рук вурдалака срывался иней, и он в воздушном потоке продолжал кружиться по комнате вместе с метелью. Заиндевелые руки всё сильнее и сильнее сдавливали хозяину шею.

Нападавший оборотень хрипел. Что-то требовал. Задубевший от мороза и от обильных доз-возлияний сильно воздействующих препаратов, он не мог выразить ничего вразумительного. Недельное пьянство сказалось на его нервной системе. Речь его была наполнена одними не членораздельными междометиями и негодованием. Суть негодования Филипп уловить не мог, но накал возмущения чувствовал на своей глотке.

– Где, мой настой, – наконец то выговорил нападавший. – Мы с бессерком пришли за добавкой.

За спиною ночного гостя хозяин отчётливо увидел лицо похороненного. Того самого бесстрашного воина, который должен был лежать в могиле.

Усопший, услышав, что речь идёт о нем, решил поздороваться с сыном своего нового приятеля. Принялся кивать и улыбаться своим опухшим лицом больше похожим на злую разбойничью рожу. И чем больше он таял в любезности, выглядывая из-за туловища своего нового друга, тем ужаснее становилось у Филиппа внутри. Когда его лицо приблизилось совсем близко «Скряга» отстранился от него с такой невероятной скоростью, что втащил за собой в дом, через узкое окно отца и невероятно вежливого бессерка «Бесстрашного и Неуязвимого». При этом он заорал с такой бешеной силой, что испугался сам.

Это он, наконец-то, вырвался из оцепеневших рук папаши. И издал такой душераздирающий вопль, что горшки, стоящие на полках, закачались и рухнули на пол, рассыпавшись на множество осколков.

Гости тут же куда-то скрылись. У хозяина появилась возможность отдышаться.

Возвращаясь к тому самому трагическому дню погребения «Бесстрашного и Неуязвимого» надо добавить. Когда «Хап» сметал последние комья погребальной земли с гроба, то уже находился под воздействием своих препаратов и не слышал стука изнутри усыпальницы. В его душе играла другая музыка. Не знал он и что сын, испугавшись, уронил верёвку и убежал, бросив его на произвол судьбы. Он вскрыл богатую крышку последнего пристанища покойного. И оттуда выскочило не понятное существо. Привидение с включенными торчащими в разные стороны волосами и ошарашенными глазищами. Интенсивно дыша, покойник отбросил спасителя в сторону и принялся выбираться из могилы наверх. Но как он не старалось ничего из его действий положительного не получалось. А наоборот могила осыпалась. Грозила их обоих погresti под завалами осыпающейся обваливающейся почвы. «Хап» врезал неугомонному старающемуся спастись старателю лопатой по голове. Усопший замер. Распластался на рыжей глиняной насыпи, широко раскинув руки. «Хап», видя, что он, наконец то успокоился, принялся за исполнение своих обязанностей. Осмотрев погребение, он обнаружил бутылку. И ещё большое количество ей же подобных склянок. Он решил попробовать содержимое внутри этой посуды и остался, очень доволен.

Когда бессерк очнулся, он протянул ему бутылку и стали они пировать вместе. Время от времени, вступая друг с другом в баталии. Мирились и обнимались после. Напившись, дружно засыпали на какое-то время. Так они провели целую неделю и выпили весь приготовленный запас. После чего песни и драки прекратились. Они замёрзли и каким-то образом выбрались наверх. Пошли по селению в желание подкрепиться чем-то согревающим. Сначала они зашли в дом «Бесстрашного и Неуязвимого». Но там их не пустили. Тогда они пошли по селу. Но везде, куда бы они ни приходили, их ни кто не хотел принимать. Но все как один сходились во мнении, что поступили не хорошо, не справив поминальной тризны по «Хапу».

И вот теперь он пришёл мстить им. И привёл с собой ещё и, в самом деле, своего друга «Бесстрашного и Неуязвимого». О чём, собственно говоря, и сообщил им на тинге Филипп «Скряга». Бесплезно находившись по деревне, друзья совсем замёрзли. И тут «Хап» вспомнил, что у него дома есть же свой запас?! Пусть и не такое изумительное зелье, как у «Бесстрашного»?! Но всё же, какой-никакой, но напиток. И друзья направились на заимку.

Выпив из запасов «Хапа», ночные гуляки стали плясать. И насильственно заставили Филиппа присоединиться к их веселью. Скоро они почувствовали слабость этих настоек. «Хап», сидя в могиле, настолько сильно привык к угощениям покойного?! Что свои приготовления для него теперь были, как капля в море. Они, не сговариваясь, схватили Филиппа под руки. И потащили его в одной ночной рубахе и босиком, в бушующую метель. Троица поспешала в дом погребённого бессерка. В его сокровенный подвал!!! К настойкам из мухомора!!! Филипп мелко, по-бесовски, семенил лапками. Ибо его ноги превратились в эти самые порхающие лапки. Они скоренько-скоренько спешили оторваться от обжигающего холодящего снега. Чтобы пока они пребывали в воздухе, могли, хоть чуть-чуть согреться. Дружки тащили Филиппа, продолжая неистово гнать себя в неутомном беге. Там их ждала, вожденная настойка и «компаньону поневоле» приходилось почти, что лететь вместе с ними по воздуху.

Вломившись во двор умершего покойника, весёлая ватага принялась стучать в дверь. Но ни кто не хотел им открывать. Надо было предпринимать какие-то другие действия. Они схватили Филиппа за руки за ноги и принялись им бить в ставень окна. Предоконник был сделан на совесть. И не поддавался на их воздействия. Филипп неистово орал, проклиная своих узурпаторов. Этих действий нападавших было явно недостаточно. Створки держались основательно. Намертво ограждая вход в дом.

Неистовое человеческое страдание обречённого вызвало в рядах осаждённых, желание прийти ему на помощь. Домашние, все разом, выбежали во двор вооружённые мечами и боевыми топорами. В этот самый момент прыткие дружки бросили окровавленного с разбитой головой Филиппа и тут же юркнули в распахнутую настежь дверь. Они ринулись в подвал. Через какое-то время, там началось веселье. Гости уединённо плясали, не подымаясь наверх.

Хозяева занесли побитого Филиппа в дом. У него были обморожены ноги. В помещении, не перебивая, выслушали его подробный рассказ. После чего у них взыграла совесть, что они так мало положили в могилу умершего так любимого им напитка.

Время от времени из подвала доносилось громкое: «Хай». Бульканье, льющейся жидкости. Чоканье кружек. Кряканье. И не смолкающие песни и пляски. Когда же дурманящая основа напитка клонила их в сон – наступала относительная тишина. Если не считать храпа и сопения спящих персон. За время сидения в подвале и могиле, они опухли. Хотя и до этого они не слыли красавцами, а теперь и подавно. Они беспрестанно улыбались. Что-то шептали. Сердились. Хмурили брови. Кривили рты. Добавляя к своим и без того пугающим лицам, ужащающие и грозные оскалы. Бурное веселье и забытьё с завидной чередой меняли друг друга.

Днём все домашние были заняты делами. В горенке оставался лежать лишь один больной Филипп. Однажды они выкрали его. Утащили к себе в подвал. И стали, как можно энергичнее, вовлекать его в своё веселье.

– Не буду я больше пить, – отнекивался от них Филипп.

– Не... – тянул хозяин, лукаво посмеиваясь и шуря побитым заплывшим глазом, – пиратств мы не приемлем.

– Не приемлем, Хап?! – обратился он к другу.

– Верно!.. Неприемлем...

– Давай!!! Давай!!! – и они принялись кружить Филиппа. Да так, что голова у него закружилась. И он рухнул на пол, как подкошенный. Когда он пришёл в себя, то осторожно осмотрелся вокруг. Также осторожно, чтобы не разбудить отдыхающую братию, стал выбраться из подвала. Выискивал удобные места для своих ступней, меж разбросанных вещей,

пустых бутылок и битого стекла. Выбравшись из заточения, он пустился наутёк. Ни кому, не сообщив об этом.

Дни беспрестанного и беспутного хохота и плясок в подполье бессерка менялись на часы умилённого забвения и тишины. Проснувшись, обитатели подвала вновь начинали пить. Веселиться. Гоготать и невнятно бормотать. Хозяева дома уже даже стали сомневаться – их ли это родственник?.. Но памятные события, говорили сами за себя – их.

Однажды веселье в шумном бункере стихло. И долгое время не возобновлялось. Хозяева осторожно спустились и обнаружили окоченевшее и посиневшее тело бесстрашного воина. Рядом с ним в забытые, сидел «Хап». Родственника в тот же день похоронили. «Хапа» отвели домой.

Через какое-то время «Хап» и Филипп «Скряга» возобновили своё ремесло. Благо за время их бездействия могил накопилось предостаточно. Идя на промысел, отец не доверял сыну. Он был твёрдо убеждён: «Кто тебя предал однажды, предаст и второй раз и третий?? Сколько бы ты шансов ему не давал исправиться?..». Но других вариантов у него не было. Так оно и произошло.

Спустившись в очередную могилу по верёвке, он попал к медведю в лапы. Косолапый обосновал в погребение берлогу. Опредил под загулявших старателей. Он забрался в покойную яму с другого хода, со стороны лога. Взревевший медведь в ночной тишине так напугал их обоих, что Филипп опять уронил в яму верёвку и убежал.

«Скряга» получил в свои руки семейный промысел и достояние отца. Разрытые Филиппом клады и погребения встречали старателя скудостью, истлевшей одеждой и ехидной усмешкой на перекосившихся черепах погребённых.

– Трясти надо живых?! – решил Филипп. Он решил имитировать смерть сильнодействующими отварами на живом Ирвинге Старшем. Это и был его тайный план действий о котором Из не знала.

– Если всё получится, как задумано, – рассуждал Филипп «Богатый», – можно будет применить его и на Хальве.

Филипп смотрел, в остекленевшие глаза конунга и видел своё прибывающее, растущее благосостояние... Инг Ирвинг, не моргая уставился в потолок.

– Надо позаботиться о своём алиби, – подумал Филипп. – Удаюсь я, наверное, подальше, отсюда. Чтобы не возникало никаких подозрений в мой адрес.

– Сегодня же инкогнито извещу всех ярлов о погребальной тризне, – решил он, – а сам с Изольдой уеду.

– Из, ты, куда отправила корабли? – спросил Филипп.

– На закупку меха, – ответила дочь.

– Это правильно, – похвалил её отец. – Мех как никогда подскочил в цене?!!

– А, куда?

– Часть в Гардарику!.. Часть к лопарям!

– О!!! – «Скряга» выразил явный восторг. – Дивная будет торговля!!! Нам надо съездить проверить, как идёт закупка?.. Завтра же, наверное, и отправимся?! Ты, как?!!

– Я, за!.. – обрадовалась она возможности сменить обстановку.

– Вот и хорошо!.. Славный у нас вояж получится!!! Я прикажу готовить корабль, – сказал он и вышел.

ГЛАВА V

Глаза они открыли одновременно. Маленькие птички сидели на ветках, не шелохнувшись, и смотрели на них. Завораживающая тишина стояла вокруг. Цикады притихли. А величественные Солнце и Луна были скрыты наползающими из-за моря тучами.

– Ах?!.. Вот отчего притих мир?! – сказал Ауст. – Должно быть дождю?..

Идэн ничего не ответила.

Лёгкий ветерок пробежал по листве, подтверждая прогноз Ауста.

– Бежим! Радость моя, – восторженно обратился он. – А то, мы, вымокнем!

Но Форсет словно не слышала его. Она наслаждалась, его заботой о ней. Лишь когда первые капли дождя упали на них, он решительно протянул ей руку, заставляя её исполнить задуманное.

Тёмные тучи заволокли всё небо. В мгновение крошечная тьма окутала землю. Порывы ветра усиливались. Они, что есть мочи, побежали к укрытию. Ветер усиливался. Они еле держались на ногах. В любую минуту их могло сбить с ног. Ураган нарастал. Молния ярко сверкнула и озарила округу. Деревья качались. Сгибались до самой земли под сильными порывами стихии. И тут же резкий раскат грома прогремел на вершине холма. Удар пришёлся в крону высоченного дерева и с треском расколол его пополам. Вся округа опять погрузилась во власть полной темноты. Лишь одинокое дерево на холме пылало. Горело одиноким факелом среди нависших темных туч. Удар молнии пришёлся с такой силой, что небо и горы задрожали. И долго грохотало разносившееся эхо по ущельям. Вода шквалом хлынула на землю. Мощный водяной потоп потушил пожар на холме. Погружая округу во власть непролазного мрака. А ливень не успокаивался. Всё нарастал и нарастал, заливая сушу.

Ауст, чтобы дождь не замочил Идэн, растянул над ней свою рубашку. Но она тут же промокла.

Гроза, так мгновенно начавшаяся, также быстро и закончилась, оставляя после себя бесконечные лужи. Солнце вновь засияло на небосводе в альянсе с улыбающейся Луной. Убегающий ветер, стряхнул с намокшей листвы остатки дождя. Капли звучно падали в образовавшиеся лужи, пуская по поверхности воды разбегающиеся круги. Ветер стих окончательно. Лишь время от времени лёгкое дуновение покачивало остов прошлогоднего камыша, играя его метёлкой.

– Непонятно, как его сюда занесло? – подумал Ауст, разглядывая стебель осокового растения, нашедшего пристанище в узкой гранитной расщелине горной возвышенности.

Ауст взял из рук Идэн свою рубашку и стал её выжимать. Они неотрывно смотрели друг на друга и улыбались довольные и счастливые.

Голос отца привёл их в чувства. Первым это осознал Ауст. Беспорядочные мысли вновь за будоражили в голове Идэн. Лицо покраснело. Повторный окрик родителя заставил её отозваться. Только возгласа не последовало. Порыв так и застыл, не сорвавшись с её уст. Она словно онемела. Застыла сражённая неожиданностью его появления. А ещё больше смущённая своим бессилием. Девушка беспомощно улыбнулась. Ауст улыбнулся ей в след, прекрасно понимая состояние любимой.

– Иди, – посоветовал он. – Я приду позже.

Лишь на третий окрик отца она отозвалась.

Девушка сбежала с палубы по трапу и по дорожке направилась к дому. Чтобы скрыть своё волнение, она на ходу стала что-то петь. Только, как она не старалась, песня не получалась. Голос её не слушался, но Идэн не останавливалась. Со стороны это выглядело нелепо, однако Эрик Форсет не подал вида.

– Сколько можно работать?! – похвалил «Курчавая Голова». – А где Ауст?

– Не зная, – ответила дочь и ещё больше покраснела.

Из ложбинок, после столь сильного, проливного дождя, подымался туман. Промозглость от чрезмерной влажности пробежала по телу прохладой. Плечи Идэн задрожали. А сердце, вновь, начало колотиться.

Смятение не покидало её. А наоборот бурный поток ощущений нарастал. И от этого ей становилось ещё неудобней. В ушах шумело. Голова кружилась. Перед глазами медленно плыли какие-то мельтешащие точки. Они опускались до определённой черты. Вспрыгивали вверх и опять начинали ползти, до той же самой черты. Она молча шла рядом с отцом. Он

ей что-то рассказывал. По крайней мере, у него открывался рот, и шевелились губы. Но она не слышала его. Слова-признания Ауста заполнили всё её внутреннее пространство.

– Я тебя люблю!!! Я тебя люблю!!! – слышала она и ничего другого.

Сославшись на усталость, дочь стала подниматься к себе, пожелав отцу: «Спокойной ночи».

– Люблю! Люблю! – пульсирующие удары били по вискам. Точно эхо эти звучания разносились по телу. Они звучали, не стихая. Звучали, как набат, призывающий на тушение пожара. Но она не хотела тушить этот пожар.

– Люблю!.. Люблю!.. – опьяняло её всё больше и больше.

Это разбушевавшееся пламя, как вихрь. Как ураган уносило Идэн из прошлой жизни. Точно лавина, с которой бесполезно бороться. Она всё сметает на своём пути. Так и Ауст, словно лавина, схватил её и закружил в своих объятиях. Закружил, будто соломинку, в водовороте налетевшего нахлынувшего на неё счастья. И нет смысла противиться этому наслаждению! Идэн Форсет рада быть, этой счастливой соломинкой!!!

– Это судьба! – решила она. Далёкий раскат грома, уходящей грозы подтвердил это.

– Такого ощущения у меня ещё не было!.. Может потому, что Хальв не говорил мне такого? – подумала Форсет. Но она тут же отогнала эту мысль. Набежавшая мысль о Хальве, показалась ей какой-то не естественной и неуместной. И даже в таком стечении обстоятельств – нелепой бессмыслицей. Она была уверена, что, думая о Ирвинге, оскверняет, свои чувства к Аусту. И Ауста к ней. Теперь конунг Хальв Ирвинг был для неё посторонним человеком. Он отныне ничего для неё не значит. И ничего кроме неприятностей, если думать о нём, ей не принесёт. Её сейчас заботило не своё состояние, а состояние Ауста. А то, что эти думы будут неприятны для её любимого, она была уверена.

Не желая больше погружаться в воспоминания, она подошла к окну. По небу медленно плыли вереницы белых облаков, словно эскадры кораблей под белыми парусами.

– Среди этой растянувшейся эскадры есть и наш корабль с Аустом, – мечтательно подумала она и закрыла глаза.

– Я люблю тебя, – продолжало клокотать внутри. Заполняя всё её тело и разум невероятной радостью и счастьем.

Далёкие всполохи молний сквозь сомкнутые веки продолжали тревожить её сознание. А чувства продолжали пылать. Точно огонь по весне. Бушующая и расползаясь, по прошлогодней иссохшей траве. Забираясь всё в новые и новые не изведанные ещё даже ею самой потаённые места. Вспыхнув. Мгновенно запыхав. Огонь продолжал неистово разгораться. Всё сильнее и сильнее... Много было неистраченных дров в печурке госпожи Идэн. И горели они чисто без копоти.

Идэн посмотрела на горы, продолжающие хранить свой цветущий весенний наряд. Яблони. Сливы. Вишни. Рябины. Бурно цвели. Точно невесты в белоснежных платьях.

– Надо же!.. – изумилась она. Находя место и для себя, в этом свадебном эскорте.

По небу продолжали плыть причудливых форм облака. Лучи солнца, отразившись от гор, золотили эти каравеллы. Золотили всю эскадру. И их с Аустом корабль в частности. Она услышала стук топора. Игл «Мореход» возводил очередную корабельную мачту. Его самого не было видно, из-за выступа дома. Но его рубашка сохла на солнце. Он из палки соорудил плечики. И теперь его сорочка точно белоснежное облако или парус, покачивалась при каждом лёгком дуновении ветерка. Окрылённая счастьем она пошла спать.

Идэн лежала на кровати и погружалась в сон. Ощущая, какое-то трепетное, заботливое внимание и тепло. Покровительство исходило откуда-то издалека. Но такое близкое и родное. Засыпая, она не могла понять: «Что это такое?!! Что её так согревает?!! Откуда столько трепетной теплоты и заботы?..» Не в состоянии объяснить эти явления, она приписала: «Всё это сказочное состояние, попечительству Ауста». Вот только данная опека. Тепло и внимание исхо-

дило от потустороннего мира. От Ангела, летевшего к ней в дом. Её дом. Дом находившийся там наверху. И до поры до времени ею оставленный дом. И сейчас пустующий. Но она тут же уснула, обрывая с Оберегом мысленную связь.

ГЛАВА VI

Ангел в состоянии блаженства продолжал лететь по бесконечному пространству Хранилица. В желание поскорее увидеть своих подопечных чад. ОН отключил какое-либо воздействие на транспортное средство. Отсутствие гравитации позволило ему это сделать. Благодаря этому ОН погрузился в ещё большее состояние удовольствия. Это состояние все множилось и множилось готовое перерасти в эйфорию радости, не имеющую границ.

«ХРАНИТЕЛЬ ДУШ» обожал сюда возвращаться. Если бы не было ограничения по времени здесь находиться. И не требовалось его присутствие на Земле. Он бы никогда не покидал этого сказочного места. Его передвижное средство в виде гранаты несло его к цели. Им не надо было управлять – в силу магического притяжения родственных импульсов. Душам не нужен проводник домой. Этот путь они знают без поводырей! А это были его Души. «ХРАНИТЕЛЮ» нужно было торопиться. Посещение гостей было ограничено не только по времени. Но и по количеству посещений. Поэтому он не мог здесь появляться и быть бесконечно. Ангел пролетал через множество сот расположенных в небольшом пространстве – в тоже время безмерно-бесконечном. Он весь погрузился в предвкушение предстоящей встречи. Но оказавшись перед пустым колумбарием опешил. Сот был пуст. Не веря своим глазам, он по земной привычке засунул голову в колумбарий. Заглянул внутрь прозрачной банки. Но бесконечная глубина подтвердила отсутствие в ней «ДУШИ».

– Что??? – вскричал он и метнулся к следующему колумбария. А вслед за ним к последующему. Ячейки были пусты. К тому же соты разом превратились в ещё более прозрачные банки. Как бы призывая, его поверить в то, что он не ошибся.

В ХРАНИЛИЩЕ царило не зыблемое спокойствие. Но резкий вскрик взорвал царственную тишину Неба.

– Не может быть??? – взревел его голос, содрогая ВЫСЬ. Три ёмкости, его подопечных были пусты.

– Как?.. Когда?.. – так и зависло немym вопросом.

На вопрос «Когда?» он ответ нашёл сразу: «Восемнадцать лет назад. С малыыми, не значительными интервалами между собой».

– У... – облегчённо успокоил он себя. – Восемнадцать лет это не возраст. Даже и для людей!..

– Главное, чтобы они не вселились в зверей и неприкаянных упырей, – утешил себя Ангел. Однажды вот также он не успел на вселение «Души». И она неприкаянная заблудилась. Намотавшись по свету, «Душа» вселилась в волчицу. И вот уже без малого восемьсот лет она идёт по пути перерождения. Теперь осталось всего каких-то десятков лет. И она вновь станет человеком. Только вот эти последние отрезки пути перерождения самые ответственные моменты. И их надо пройти с достоинством. И без спешки. Иначе быть катастрофе. И всё время ожидания пройдёт впустую. Откинет эволюцию восстановления «ДУШИ» назад. На целые тысячелетия. На невероятном подъёме поиска и полной ответственности, он покинул колумбарий. Упорхнул в синее небо. Ангел так спешил наверстать упущенное, что даже не навестил остальных своих подопечных.

ГЛАВА VII

Долгий душераздирающий крик: «Как???» разбудил Идэн Форсет. Она вскочила. Посмотрела по сторонам. Прислушалась к шорохам. Но ничего, что могло бы вызвать этот панический вопль, не обнаружила.

Она спешно подошла к окну. Открыла створки. Рама коснулась цветущих ветвей яблони, свисающих со скалы. Ветви упирались в самое стекло. Девушка прислушалась. Всматриваясь

в пространство двора сквозь бело-розовые цветения, она пыталась понять: «Что происходит вокруг дома?». На плечиках все также висела рубашка, оставленная Аустом. Стука топора слышно не было. Должно быть, он ушёл спать. Внизу по скату горы находились птичьи клетки. Она отчётливо слышала, как во сне бредит полусонный петух. Он поглядывал прищуренным взглядом на притихших во сне кур. Кукарекало, с минуты на минуту, был готов возвестить миру о начале нового дня. Солнце теперь уже в одиночестве, без своей милой соседки, продолжало озарять землю.

Не обнаружив, ничего опасного и подозрительно, она пошла. Легла в кровать. И тут же уснула.

Ауст Игл нёс очередной камень. Гора из гладких и шероховатых булыжников росла. Он решил: «Как только придут родственники с моря сказать отцу с матерью, чтобы они засылали сватов к родителям Идэн». Он посчитал, что в доме большого семейства Игл им с женою будет тесно. Задумал построить свой дом. Этими планами он ни с кем ещё не делился. Решил сохранить их в тайне. Поэтому по ночам таскал строительную основу своего будущего жилища. До самого утра. Пока все спали и, его ни кто не мог видеть. Раз за разом он приносил на возвышенность камни. Местом их будущего счастливого пристанища юноша выбрал фиорд на берегу моря. Залив был удобный для стоянки корабля. Это был не какой-то закуток?! А глубоко заходящая в пространство суши часть моря. Заводь была искусно укрыта отвесными скалами от штормов. Что гарантировало судну сохранность от любых самых не предсказуемых сюрпризов стихии. Увлечённый своей идеей младший Игл даже подумал основать здесь порт. Но при всех своих грандиозных планах, каждый раз, когда он подымался наверх, плотно прижимая холодную массу камня к своему тёплому животу, то, думал и представлял: «Каким уютным и приятным будет их дом с Идэн?!»

Причиной покинуть отчий дом послужило несколько обстоятельств. И тесноты в большом семействе Иглов была не главной. У него в последнее время сложились непонимания в семье. Произошло это после прихода с моря и получения старшинства на корабле. Ауст раньше понятия не имел о вражде. Хотя сие и не было враждой в прямом смысле этого слова. Но и прежними отношениями, таковые назвать уже было нельзя. Скорее, данное нечто, было чем-то средним между дружбой и непониманием. Состояние приграничное. Неопределённое. Ещё не переметнувшиеся окончательно в состояние вражды. Но, уже возникшее. А причиной этому была гордыня старших. Раньше он тонул в лагере всеобщего, семейного внимания. Но после решения прадеда Оста чаша весов заколебалась. И как-то постепенно стала клониться в противоположную сторону. Хотя Ауст продолжал, как и раньше, любить всех. Никого из семьи не выделяя. Старался не показывать негативного вида на сложившуюся обстановку. Должно быть, германское право наследования сыграло свою роль. В мужских компаниях нередко шутили: «Мой старший брат ни как не умрёт. А младшие, то и дело, всё умирают и умирают». Но это больше относилось к наследству. Капитанство на корабле ни как не влияло на передачу наследственной собственности. Но ощущение, пробежавшей чёрной кошки, между ним и титульным пьедесталом в роду возникло.

– Ты, продолжай всех любить, – поддерживала его мать. Видя не простые отношения между мужчинами. Хотя он и без её наставлений не держал зла и обиды. Ни на отца. Ни на деда. И старших братьев. Просто не имел права. Но она с материнской заботой продолжала наставлять его:

– Будь снисходительным с близкими родственниками. И почитай взрослых. Но самое главное это ни нажить себе врагов. А если и появятся такие?! То по достоинству очинивай их ум. Ибо, как уверяла она: «Глупых врагов не бывает. И если, ты, будешь знать об этом?! То обязательно избежишь всех неприятностей?!» Это наставление не послужило для него панацеей. Но как действующий урок имел под собой сильное и поучающее воздействие. Он был человеком правильных принципов. Поэтому ему было не трудно входить в жизнь. Люди

ему нравились. Юноша быстро сошёлся со всеми вальщиками леса. Особенно с другом семейства «Курчавой Головой». Форсеты были в одной команде с Иглсами на корабле. Во время похода конунга Ирвинга Старшего и его сына Хальва на отражение набега датских разбойников. Из Форсетов с той битвы вернулся только Эрик. С той поры и повелась дружба семейств. Людей без принципов Ауст старался избегать. По крайней мере, пытался не входить с ними в близкий контакт. Ибо были они ему не приятны. Он даже считал их опасными. Назначение дедом Остом младшего отпрыска капитаном корабля, хоть и было, поначалу в семье воспринято положительно. Но он сам этот взлёт возвышения изначально воспринял стеснённо и неудобно. Чувство скованности засело в нём сразу. А он не любил находиться не в своей тарелке. Не с руки ему было верховодить старшими. Со временем в семье пошёл разлад. Причиной противоречий и стало это назначение. Негативное отношение на старшинство, младшего из Игл, лишь нарастало. Устойчивая дружная команда стала представлять собой сборище: «Кто в лес, кто по дрова». Когда возник вопрос: «Кому остаться на берегу на строительство корабля?» Капитан сам вызвался на эту возникшую необходимость. Что оказалось, как нельзя кстати. Он избавился от неловкого положения: «Командовать старшими родственниками». И познакомился с Идэн.

Поэтому запланированное жилище должно было стать желанным пристанищем с многих сторон. Пристанищем его рода. Именно его новому роду. Он верил в предсказания деда Оста на открытие новых земель. И решил: «Не откладывать это дело на потом». Для этого надо было отделиться от семьи. Построить свой дом. Свой корабль. Набрать команду и отправиться на открытие новых стран. Капитан верил в далёкие морские путешествия. Ауст Игл не был наполнен тщеславием. Путь героя и статус любящего мужа и отца теплился в нём с давних пор. Свалившееся на него счастье не было для него чем-то неожиданным. Оно разгоралось в нём с детских пор. Он ждал этого. И оно поджидало его, поэтому не заставило себя долго ждать.

Услышав громогласное воззвание петуха о начале нового дня, он поспешил поскорее отнести камень к месту складирования. И сразу же отправился спать. Дабы сохранить свои планы в тайне. На третий призыв вестника зари он уже лежал на лежанке. И сломленный усталостью, капитан погружался в глубокий и приятный сон.

ГЛАВА VIII

Поиск на Земле, который «ХРАНИТЕЛЬ ДУШ» намеревался исполнить, без каких либо трудностей, затянулся. Надо было определить время. Но, время ему определить, так и не удалось. Импульсы, на которые, он так рассчитывал, пропали. Нет, они конечно были, но Ангел не мог уловить их локацию. Надо было взять след. А для этого перенестись обратно в «ХРАНИЛИЩЕ» или же в прошлое и оттуда возобновить поиск. «НАВЕРХ», в ближайшее время, ему уже было нельзя, а ждать – чревато. Оставалось прошлое...

– Выйти на след, хотя бы одной Души, – рассуждал Хранитель, – а дальше будет легче.

Он прекрасно помнил, что одна из Душ до этого гостила в оболочках царственных особ Клеопатры и Евдокии с небольшими разрывами во времени, всего в каких-то – лет... четырёхста.

Евдокия занималась открытием университета. Она устала, но искры радости от выполненной работы её вдохновляли на столько, что она не чувствовала этой усталости.

– Зачем тебе это? – спросил муж.

– Феодосий! Ведь я тебя люблю! – ответила она.

Император растаял в лучезарной улыбке.

– Умными людьми управлять легко, – добавила она серьёзно и утвердительно. – И они сделают для Византии гораздо больше пользы, нежели безграмотные. Пусть, даже, и очень старательные и преданные.

– Тебе это доставляет удовольствие? – Феодосий Флавий любовался своим счастьем.

– Очень!! – сияя белоснежной улыбкой, честно призналась жена.

– Вот, поэтому, ты, и настаиваешь – на открытие университета, ещё и в Армении?

– Армения постоянно встаёт раздором между нами и Персией. Это потому, что сами армяне не видят блеска Империи?

– Ученье свет! – поддержал её император.

– Открытие университета, как раз и прольёт этот свет в сознании армян и они сами решат – «с кем им быть» – с Западом или с Востоком?

– Надеюсь, ты, не отправишься на восток – руководить процессом? От закладки первого камня до полного возведения здания? – Этот вопрос звучал больше, как подвох – Евдокия предпочитала сама руководить процессом «от и до».

– Не знаю, – августа мило улыбнулась и добавила. – Это зависит от того – пустит ли меня туда, мой муж?

Феодосий воссиял, ещё более радостно, чем прежде.

– Хватит в нашей семье уже каменщиков, – категорично заявил супруг. – Я строю стену, ты университет!

Император, уже несколько лет, строил крепостную стену вокруг Константинополя.

– Хотя, ты, своё детище возвела, – добавил он, – а я вот – ещё нет.

– Тебе помочь?.. – озарённая счастливой улыбкой предложила жена.

– Спасибо, – поблагодарил Флавий. – Я как-нибудь сам!

– Зря!.. – на распев, продолжая лучезарно улыбаться, продолжала жена. – Ты, лишаешься великого плотника-фундамент укладчика! И с не малым опытом!

– Я нашёл тебе помощника. Мужа учёного, уважаемого и очень даже, именитого в Армении по имени Маштоц Мисроп.

– Он справится?..

– Я думаю да?! – уверил её муж. – Да, вы, ваше высочество должны его знать?! Он был при нашем дворе со своими предложениями канонов просвещения.

– Да, я помню его, – ответила императрица и добавила. – Он создал алфавит.

– Вот видишь?! – обрадовался император, видя, что супруга согласна с его кандидатурой. – Пусть он командует... и каменщиками! И плотниками! С тебя уже хватит!!

– Спасибо, – восторженно поблагодарила Евдокия.

– Тебе подарок, – Феодосий протянул жене маленький свёрток на своей ладони.

В свёртке оказалась шкатулка из дерева красного цвета. На крышке, на фоне неба, были изображены белые тучи кучевых облаков и два аиста летящие друг другу на встречу.

Эту шкатулку, он сегодня купил в ювелирной лавке, а стихи, вложенные в этот ларчик, написал сам. Они были о любви. И, очень личные... А заканчивались так:

«Наше общее желанье,

Вместе быть всегда, всегда

Пусть наша любовь будет звучаньем

Двух сердец, поймавших счастья миг.

Аминь»

Все время, пока императрица читала, улыбка не сходила с её лица. Она прекрасно понимала – чьё это творчество? Стихи по стилистике и манере изложения, уступали поэтам, с которыми ей доводилось общаться в кружках и на диспут вечерах. Но то, что они были написаны искренне и от души, Евдокия не сомневалась. Она сама писала поэму. Поэму о, только что, завершившейся персидской войне и прекрасно знала: «Что такое писать?»

Факелы освещали лестницы дворца, залы и все прилегающие парки, предавая им, сверхъестественный ярко-багровый вид. Богатая драпировка колыхалась в такт языкам пламени. Трепетные звуки музыки доносились не понятно откуда. Запахи благовоний не видимым обонянием окутывали со всех сторон, проникали внутрь, погружая в лоно немислимой неги.

Дочитав, Евдокия улыбнулась ещё раз, и, поцеловав мужа, сказала:

– Спасибо.

Невдалеке зазвучал колокол. Его звуки медленно растворялись по местности и сознанию императрицы. Голова закружилась от счастья.

– Я люблю тебя, – услышала она и эти слова были также приятны ей, как отголоски, разбегающейся по телу звучания звонницы. Утопая в ауре радости и упоения, женщина прижалась к нему ещё крепче, положив голову на плечо. С гобелена на неё смотрели лебеди, кивая своими миниатюрными головками на длинных красивых шеях. Они радовались её счастью.

– Как хорошо, – подумала Евдокия и поцеловала мужа ещё и ещё, отвечая на его поцелуи. Птицы с гобелена, в такт её чувствам, продолжали кивать.

Смотря на них и любясь ими, Ангел-Хранитель прекрасно понимал, что он «не вовремя». Присутствие Феодосия, могло внести дополнительную путаницу и не добавить ничего определённого в поиске – «взятия следа». Хранитель решил: «Прилететь сюда, ещё раз». Когда императрица будет одна. А сейчас решил – им не мешать. Пусть даже косвенно. Довольный их счастьем он упорхнул в небо.

Полный хорошего настроения Ангел набирал высоту. Единственное, что угнетало и настраивало его, это то, что он давно не посещал Феодосия и его сестру Пульхерию.

– Прилечу сюда ещё раз, – пообещал он сам себе, продолжая разрезать ВЫСЬ.

ГЛАВА IX

- Волк? – переспросила она. – А откуда такое слово пошло?!!
- А тебе это зачем? – поинтересовался Ангел, глядя волчице в глаза.
- Любопытно.
- Надо же? – подумал Хранитель. – Она говорит и рассуждает, как женщина! Ответила не интересно, а любопытно...
- Так волков окрестили люди, – принялся он объяснять ей смысл выражения. – Это от слова – «волочить» – «тащить» – «уволакивать» – «в-л-к».
- Почти что, как – «воровать».
- Если рассматривать, как действие то – «Да!» А, ты, откуда знаешь про – «воровать»?
- Слышала в селе, – созналась волчица.
- Когда ходила на промысел?
- Да, – подтвердила она виляя хвостом.
- Ты, любишь подслушивать чужие разговоры? – допытывался Ангел. «Хранитель Душ» продолжал интересоваться её стадией восстановления.
- Я не против... Но, там было не до подслушивания – схватила курицу и бежать.
- Что же тебя выдало?!! Ты, же осторожная особа?..
- Засмотрелась на людей и промахнулась.
- А куры подняли шум?..
- Да!.. Куры подняли шум, но я успела покинуть загон до появления людей. Лишь вдогонку услышала: «Какая хитрая лиса?!!»
- Не надо ворон считать!.. В твоём случае людей!
- А почему они называют меня – «Лисой?»
- Потому, что ты хитрее волков!.. Нет в тебе той прямолинейности, присущей волкам.
- Да?.. – обрадовалась Ай и глаза её засияли одобрителем огоньком.
- Да, – подтвердил Ангел.
- А я уже было, даже, обиделась, – блеск в её глазах потух, но два маленьких лучика продолжали сиять, поддерживая интерес к беседе.
- На что, ты могла обидеться? – не понял Ангел.
- Неужели я такая маленькая, раз меня дразнят – «лисой»?
- А?.. На это?!! Не беспокойся!.. Ты, не маленькая!.. И ещё, какая не маленькая!!! Ещё не все-то волки, обладают такой статью, как у тебя! А, ты, всё-таки девочка!
- Ай была длиною полтора метра. Таких размеров достигал даже не каждый матёрый волк. А её полуметровый хвост говорил сам за себя, как грозное оружие. Массой тела она также не уступала матёрым вожакам стай, в которые она время от времени попадала. Везде её принимали с радостью, но она почему-то в этих приёмных стаях не задерживалась. Ей не нравились волчьи повадки, которые своими действиями были направлены на что-то большее, нежели чем предусматривались своим изначальным предположением. Казалось бы: «Начавшаяся, ни с того ни с сего, безобидная игра» превращалась во всем в другое. Распределение мест в иерархической лестнице семьи. Оказывается игрища и затеваются участниками, чтобы определить физическую мощь каждого и перераспределить своё положение в стае. Когда Ай своим восьмидесяти килограммовым весом сталкивалась в прыжке с очередной игруньей, та отлетала от неё, как от каменной стены. А в добавлении ко всему, она, уходя в скручивающийся пируэт, добавляла нападавшей, ещё и своим увесистым хвостом, то после этого игра тут же заканчивалась. Во всех стаях, где бы ей ни довелось побывать, этот удар хвостом окрестили – «удар поленом».
- А не боишься, что люди покарают тебя за твои прегрешения? – спросил её Ангел.
- Нет.

- А зря!.. Тебе, что добычи не хватает в лесу?
- Хватает.
- Тогда, зачем, ты, идёшь в село?
- Мне там интересней.
- Интересней?
- Да!.. Интересней.
- А какой же там интерес?
- Мне нравится наблюдать за жизнью людей.
- А не боишься?
- Чего?
- Как, чего?.. Скажем... собак!..
- Скажите тоже, – и она, подвывая и хохоча, засмеялась.
- В самом деле?.. – подумал Хранитель, какое нелепое сравнение.
- Я и собаки!.. – смеясь, продолжала она изливать своё нахлынувшее на неё веселье. Её

голос и хохот, в данный момент, был какой то не волчий. Какой то далёкий и не понятный, но в то же время он продолжал говорить сам за себя – «Где «Я!!!» и где «Собаки?..» И она, это неуважение выражала явно, показывая своё превосходство, над бывшими сородичами.

- У тебя к собакам, нет ни какой симпатии?
- Нет!.. А почему она должна у меня быть?!!
- Мало ли?!!
- А, вы, чем так встревожены?.. – спросила волчица, видя его озабоченность.
- Я не могу найти трёх своих крестников.
- Да... – посочувствовала Ай, зная ответственность Хранителя.
- Вот тебе и «ДА?!!»
- Найдёте!!! – успокоила его всё понимающая волчица. – Меня же, вы, нашли!!

Ай сама себе выбрала имя. Ангел-Хранитель не торопил её с выбором.

Прямолинейные волчи ухаживания не нравились волчице. Это и было её основной причиной перехода из стаи в стаю. Но везде было одно и то же, разочаровавшись, она решила жить одна. Ай прекрасно понимала, что это будет не легко. Коллективное проживание в стае давало больше шансов выжить, среди сородичей и остальных конкурентов в дикой природе.

Она долго кочевала в одиночестве, выбрав территорию проживания чуть к северу от места обитания волков. Лисы и песцы не были так наглы в своих действиях. Да они и побаивались волчицы. Так что дело не доходило до прямых схваток и конфронтации, как с волками. Ей нравилось пересекать бескрайные, огромнейшие просторы. Нагулявшись, она подкрадывалась к чуму, где жила женщины и, подсунув морду под шкуры, обозревала её жилище.

Женщина сидела у костра. Дым уходил в отверстие на верху конического сооружения. Над огнём, на приспособлении висела металлическая ёмкость.

- Кто, вы? – спросила её волчица, но дама в чуме не ответила ей.

Она заворожённо смотрела на огонь, а когда вода в ёмкости закипела, её изрезанное морщинами лицо ожило.

- Как, вас зовут? – не унималась гостя, но сидящая, продолжала молчать.

Видя, как женщина радуется, закипевшей воде волчица назвала её – «Буль-Буль».

«Буль-Буль», тут же, принималась, наливая себе в чашку содержимое из чайника, пуская тёмную тонкую струйку, через узкое отверстие носика ёмкости. После чего, она не торопливыми глотками отпивала приготовленное снадобье, держа чашу в ладонях перед собою и продолжая всё также неотрывно смотреть на огонь. Через какое-то время, она начинала, что-то шептать, медленно-медленно шевеля губами. После каждого эпизода-шептания, она вскидывала руки и громогласно тянула – «Ай», устремив свой взор в коническое отверстие чума с убегающими в звёздное небо колечками дыма.

Волчица не могла понять – что хозяйка чума шепчет, но «Ай» она слышала отчётливо. И это громогласное улетающее в небо прошение ей нравилось.

– Пусть это будет моё имя, – решила она.

Теперь, как только волчица слышала над просторами тундры летящий призыв «Ай», она, тут же, неслась на зов и, подсунув морду под основания жилища, смотрела на шепчущую «Буль-Буль». Ай ловила в тундре куропаток, зайцев и обязательно часть добычи приносила хозяйке чума.

Каждое утро, волчица подсовывала свою морду под шкуры дома, здоровалась с хозяйкой и просила её:

– Буль-Буль!.. Пошли мне удачной охоты!!!

Хозяйка чума, тут же, начинала, что-то шептать. Лишь ей понятное в своей присущей манере. В завершении своего невнятного монолога, она с взмахами рук рассылать миру громогласное – «Ай», под улетающие ввысь вьющиеся колечки.

Получив благословение, просительница отправлялась на охоту и, без какого-то либо труда, вылавливала на заснеженных просторах тундры из нор куропаток, попавших в западню. За ночь мороз сковал их жилище плотной коркой наста и из этого, коварного мешка пернатым было теперь не выбраться.

Куропатки-узницы попадались ей сотнями. Здоровую птицу волчица отпускала, а часть добычи непременно отдавала Буль-Буль, складывая её у входа в чум. Куда бы Ай не шла, Буль-Буль была всегда рядом с ней.

Однажды зимой, по льду, она пересекла океан и столкнулась с койотом. Он ей тоже не понравился. Луговой волк принялся за ней ухаживать, но его плюгавость ни давала ему, ни каких шансов. Он ей, чем-то, напоминал лиса, но с более разношёрстным окрасом.

Буро-кроплёный, чёрно-серый верх ухажёра казался ей смешным подобием, а вечно выгадывающая лукавость – отталкивающей. А самое главное – в его громко завывающем голосе не было интимности и если бы не странствующая, вместе с ней подруга, то ей было бы совсем плохо.

Но, Ай решила не обижать койота, давая ему возможность – самому во всём разобраться.

Однажды, она решила взять его с собой к Буль-Буль. Подсунув морды под шкуры, Ай как обычно поздоровалась, а койот увидев вчерашние подарки волчицы в чуме, тут же попытался их стащить. Но, получив от Ай удар хвостом «поленом» взвизгнул и скрылся на просторах тундры. Больше она его к себе не подпускала. А подарки, которые она оставляла у входа в чум, лежала и охраняла, пока их не забирала к себе в жилище хозяйка.

Койот, на всё это, посматривал со стороны, полный расстроенных чувств. И не понятно отчего больше – от потери Ай или от исчезнувших угощений, под пологом конического шатра.

Ай, может быть бы и привыкла к койоту. И даже перевоспитала его. Но Ангел-Хранитель, видя, как она тонет в сомнениях, велел ей возвращаться в стаю волков. И она, опять, принялась кочевать из стаи, в стаю ища своё место под солнцем.

– Ты, не хочешь здесь оставаться? – спросил Ангел, глядя в золотисто-оранжевые глаза Ай.

– Нет.

– Почему?

– Не знаю.

– Это не ответ.

– Я не вижу, что это моё. Каждый год одно и то же. Я устала ждать. Но того – кого бы я хотела встретить – не встречается на моём пути.

– А как тогда быть?

– Не знаю.

– Но, ты, встречала на своём пути не мало особей из волчье-псовой породы: койоты, лисы, песцы, волки тибетские, волки японские и что – ни кто не вызвал в твоём сердце содрогания?

– Нет...

– Совсем никто?..

– Тогда уж собаки?!

– Собаки? – удивился он, зная её неприязнь к домашним псам. – А почему собаки?..

– Они живут рядом с людьми.

– А это к тебе, какое имеет отношение?!!

– Мне нравится быть рядом с людьми.

– И что тебе в них нравится?

– Всё!

– Всё?..

– Да, всё!.. Мне нравится их манера. Нравиться наблюдать за ними.

– Рано... – задумчиво вымолвил гость и осёкся.

– Что значит – «Рано?», – не поняла его Ай, но постеснялась уточнить, что же он имел в виду.

– Но, ведь у волков обширный диапазон звучания?! Он, если и уступает, кому бы то ни было, то только человеку. Волк может выть, рычать, ворчать, страдать... – Хранитель попытался в очередной раз склонить её, чтобы она всё-таки присмотрелась к положительной сущности волков.

– Да!.. Он может: страдать, радоваться, огорчаться, лаять и визжать!.. И, что?! – Ай могла бы до бесконечности перечислять достоинство волков, но она не видела в этом ни какого смысла.

– Значит, ни кто не нравится?

– Не нравится.

– Ты, останься!.. Побудь!.. Порассуждай!.. И прими решение! Но, помни – ни кто тебя не неволит!..

– Хорошо!.. – согласилась она, заранее зная, что уйдёт из стаи.

Ай прекрасно понимала, что стая без неё будет не легко. Она может быть, ещё поэтому, и переходила из стаи в стаю, чтобы поддержать волков в трудную минуту выживания.

Психологическое состояние Ай было настолько высоко, что она даже в состоянии крайней напряжённости никогда не теряла дух самообладания. Здравомысленно принимала решения и умело ориентировалась в обстановке чрезвычайной опасности. Однажды, стая попала в засаду. Охотники приближались, всё ближе и ближе. Они постукивали палками по деревьям, с каждым шагом выражая своё превосходство. Волки беспомощно крутились в периметре обнесённых красных флажков. Скулили и не знали, что делать. Панический страх животных перед огнём был настолько велик, что они в полном бессилии, поджав хвосты, прижимались к земле, выражая слабость и неспособность, чтобы то ни было предпринять для своего спасения. Когда, уже отчётливо, стали видны лица людей, Ай навалилась всем телом на молодой ствол дерева, прижимая им пугающую тетиву «огней». Один за другим, цепь угрожающих, огненно-красных флажков, скрывалась в глубоком, белом, пушистом снегу. Вся стая, тут же, ринулась в образовавшийся спасательный коридор, а вслед за ними и она сама.

Во время коллективной охоты, в стайные чувства волков Ай внесла распределение ролей. Часть стаи выгоняли добычу на засаду. Когда животное попадало в западню, к завершающему действию приступали свежие, совершенно не измотанные волки, поджидавшие жертву в ловушке.

Но бывало и так, что жертва, обессилев, даже не добиралась до скрытого резерва. Тогда гонщики брали её в кольцо и, нападая с разных сторон, продолжали изматывать несчастное животное. За это время, к месту схватки подтягивались триумфаторы сражения. По началу,

волки из засады нападали на жертву поодиночке. Они продолжали гнать её, как бы разведывая её состояние и возможности. А опробовав и рассчитав силы испуганного, изнеможённого животного, нападавшие как по команде – набрасывались на жертву разом. Валили её к земле и, тут же, на помощь спешили, уже успевшие отдохнуть волки-загонщики. Противостоять навалившейся своре было не возможно. Такая тактика обычно применялась на крупного зверя – лося, зубра или кабана-секача. На быстрых оленей Ай предлагала другую тактику – гонять жертву по кругу, время от времени меняя преследователей. Так, не давая оленю передыха, они загоняли его до полного изнеможения. Тактика измора была самая безопасная и не требовала много сил, и применялась чаще всего тогда, когда волки и сами были изнеможённые долгим голоданием.

– Ты, живёшь в мире и этот мир как зеркало, – Хранитель продолжал убеждать волчицу. – Он передаёт тебе, твоё же изображение. Стоит тебе улыбнуться, и он засияет радужными красками.

Ай улыбнулась.

– Но, если, ты начнёшь, сердиться – хмурость, тут же, появиться тебе в ответ.

Волчица слушала его внимательно, после общения с ним, её уже не так тянуло к людям. В стае её не хватало именно вот такого рассудительного, все понимающего, здорового общения.

– Подойди к ручью. Погляди в него, и ты увидишь своё отражение. Улыбнись, в благодарность за испитую воду. И ты увидишь, как засияет твоё лицо?! И ручей зазвенит по-особенному. И вода станет, ещё – вкуснее и слаще.

Ангел и Ай беседовали на опушке, как из глубины лесу, донёсся протяжный скучающий вой.

– Это он по тебе тоскует?! – подзадорил её Хранитель.

Волчица промолчала. Вожак поздней осенью потерял спутницу жизни и должен был в преддверии гона выбрать себе новую супругу. Он был явно не равнодушен к Ай.

– Ты, можешь стать матёрой волчицей!

Она не хотела слушать его намёков.

Ангел-Хранителя тревожила преждевременная тяга Ай к людям. Это было опасно. Она ещё не была готова вступить совершенно иную, в совершенно другую жизнь. Для этого, ей надо прожить ещё какое то время в её нынешней среде обитания. А для этого ей надо отвлечься, от её навязчивой идеи ходить в деревню. Ходить к людям. Всех её забот о стае было не достаточно, чтобы загрузить всё её свободное время.

– Это не тот отвлекающий манёвр. Ей надо завести семью, – решил Хранитель, – волчата всецело поглотят её свободное время и помогут скоротать, так необходимое, для её окончательного перерождения к другой жизни время.

– Волки же не плохие собеседники?! – продолжил Ангел, выбранный им курс убеждения.

– Да, – согласилась с ним Ай.

– Может, ты, услышишь его, – предложил он, слыша, как Вожак старается, излить воем свою одинокую грусть.

Волчица продолжала хранить молчание в адрес намёков гостя.

– Ты, подумай, – предложил он на прощание и улетел.

ГЛАВА X

Византийский император Феодосий и его сестра Пульхерия были давними друзьями Ангел-Хранителя. Ангел предложил детям называть его тайным именем «Локки», чтобы никто не догадался об их дружбе и секретных встречах. Но с обязательным звучанием двойного «К». Позже, малыши придумали ему своё имя – «Барабаш» и иногда, совсем редко, звали «Пройдоха», за его хитрости и уловки, к которым он прибегал, пытаясь склонить их к послушанию. Ангел-Хранителя принял новые имена, как должное, и дорожил ими, вписав в свой послужной список, как великую заслугу.

Хранитель старался, как можно, чаще навещать брошенных царственных чад. Их родители, отец Аркадий и мать Элия, не особо-то баловали своих деток. Они больше предпочитали забавляться сами, взяв к себе для компании, ещё и придворного красавца Иоанна. Иоанн стал откровенным любовником императора и тайным императрицы. Даже сама императрица Элия сомневалась: «Чей Феодосий сын – Аркадия или же Иоанна?..»

Понимая, что сцены взрослых, увиденные детьми случайно, могут восприниматься им, только как насилие, Ангел старался, как можно больше времени проводить рядом с ними.

Пытаясь, уложить их спать, он прибегал к разным уловкам. Придавал делу серьёзный оборот. И даже пугал их страшилками, если они не уснут. Напускал на себя грозный вид, но все равно ничего из этого не получалось. Искры детского озорства продолжали сверкать в его глазах, а губы, расплывшиеся в улыбке, окончательно выдавали им задуманный план. Не удавшееся мероприятие, ему приходилось выполнять – рассказыванием сказок и рассказов, про «чудищ-юдищ», «кикимор»... и всякую нечисть, о которой он знал далеко не понаслышке.

Локки, как правило, всегда появлялся незаметно. Поиграв с детьми и рассказав им сказку, он улетал, после того, как они засыпали. Но, ощущение маленького чуда и волшебства всегда присутствовало при его появлении.

Пульхерия позже записала в своём дневнике. «Сказки его не имели «ни конца, ни начала». Они вспыхивали ярко и пугающе и также быстро сходили, на нет, но осадок трепетной напуганности оставался. Спрятавшись в ладошки, мы (дети прим. автора) подолгу боялись открывать глаза и открывали их, лишь утром – проснувшись».

Всегда получалось, что-то на подобии штор. Раздвинутых ветвей в дремучую чащу леса, в которой непременно обитал неведомый, страшный зверь. И обязательно, в этот самый момент, он был там. И обязательно рыкнув, оттуда из чащи, да так, что этот рык превращался в такой пугающий рёв!.. Что оцепенение, искажало наши лица и, оросив спину пугающими мурашками, разбегалось по всему телу, замирающим испугом. Но, звери эти, были на двух ногах и почему то, очень дряхлые – почти что истлевшие, сгорбленные, поросшие лишайниками и бородавками по всему сморщенному телу. В какую-то, самую неожиданную минуту. Самую не подходящую, из впавших глазниц вырывался яркий свет и вслед за лучом, вылетали полчища саранчи или же, сложив крылья треугольником, чтобы протиснуться в щели глазных впадин неслись тысячи летучих мышей, с таким угрожающим стрёкотом, что пошевелиться было страшно, а не то, что открыть глаза. А, где-то далеко, и тихонько-тихонько, подвывали волки или свистел соловей-разбойник, а то и просто – завывал ветер в трубе, под скрипы ветхих избушек – дышащих на ладан пристанищ леших и кикимор болотных. Но, по утрам – проснувшись, мы нечаянно открывали глаза и видели солнечный свет, лившийся в окна и, сожалели, что опять не дослушали вчерашнюю страшную историю про «чудищ-юдищ» до конца».

Однажды утром Феодосий обнаружил на одеяле маску клыкастого чудовища. Сначала он подумал.

– Откуда это? – но потом понял. – Это должно быть чудище забыло?

Маска была страшная, и он решил – напугать сестру. Брат спрятался с ней под одеяло, но слепок, так грозно рыкнул, пугающе зыркнул глазами и угрожающе лязгнул клыками, что Феодосий испугался сам.

Локки намазал глаза и клыки маски фосфором. А с внутренней стороны привязал грушу, которая при нажатии издавала пугающий звук. Так, для детей закончился мир пугающих сказок-страшилок – они разом повзрослели, но продолжали любить и ждать неугомонного шалуна, которого уже всецело впитали в состав своей детской души.

И Локки продолжал появляться здесь – он чувствовал свою ответственность за них.

Когда умерли их родители (им тогда было восемь и четыре года) «Пройдоха» взял их под свою опеку, за что и поплатился в своём стане – потому, что пошёл против своих – Стилихон был, засланный ставленник «ТЪМЫ».

Император Феодосий Великий из рода Флавиев провозгласил христианство государственной религией, и империя понеслась на всех парусах, набирая обороты. Требовалось, срочное вмешательство и появился Стилихон. Он быстро вошёл в доверие Феодосия. Понравился императору тем, что ни когда не унывал. В тоже время ни кому не доводилось видеть его – ни поникшим, ни смеющимся.

Когда Флавий назначил его в числе послов в Персию, Стилихон очень серьёзно отнёсся к этому вопросу, не смотря на свою молодость.

– О чем, ты, все думаешь? – спросил его Феодосий.

– Я думаю: «Как мне персам задать, то, что задавать им не следует?»

Не по возрасту здравые рассуждения очень понравились императору Феодосию Великому.

– Чего ты хочешь от жизни? – поинтересовался император.

– Ничего, – ничуть не смущаясь, ответил юноша, – всего лишь служить вашему величеству, быть вашим крёстным сыном и носить вашу фамилию.

Незамысловатая просьба растрогала чувствительного владыку. Все просили денег, власти, богатства. Умопомрачительное золото было у всех на уме, этот же не просил ничего и стал Стилихон Флавием.

Стилихон был человеком рассудительным и не терпел мальчишеского бахвальства. Уже по пути следования до границы он стал расти. А когда они добрались до персов, умудрился – из клерка при посольстве стать командиром сводного отряда при основной армии. Он всегда действовал степенно, лаконично и коротко.

Однажды новоиспечённый Флавий окружил город. Его помощник предложил ему сообщить об этом неприятелю: «Пусть знают – кто командует их осадой?» на что он спокойно ответил:

– Зачем?.. Они, ведь, меня не знают?

Город, после его переговоров, сдался, и отряд присоединился к основным силам. Все, только и, говорили об этом. Что взбесило, одного, довольно таки вздорного, по своей природе, командира соседнего соединения. Подвыпив, он стал вызывать Стилихона на дуэль, предлагая на выбор любой вид оружия.

– Кто ты? – орал дуэлянт. – Ратник?? Лучник?? Конник??

– Я умею ими всеми командовать!.. – спокойно заявил Флавий Стилихон и предложил дебоширу проспать. Позже, он дал денег одному громиле, и тот зарубил его.

Подступая к городу, Стилихон всегда брал его в осаду и вступал с горожанами в переговоры. И, ценою золота и лести, договаривался.

– Почему, вы, выделяете меня среди всех горожан? – задавал такой вопрос каждый наместник осаждённого города, получая взятку золотом.

– Потому, что, вы, здоровый!.. Прекрасный и добрый, – отвечал центурион каждому, и ворота открывались перед ним. Он, тут же, забирал золото обратно и, оставив не большой

гарнизон, шёл к следующему городу. Карьера его росла, как на дрожжах. Воины от такой войны роптали. Они рассчитывали на грабежи и мародёрство. Кто-то из злопыхателей, нарисовал картину: «Стилихон спит, а города сами попадают в его сеть». Картина гуляла по лагерю и попала на глаза новоиспечённому полководцу.

– Это же надо? – восхитился он, пытаясь не замечать неприязни. – Если я сплю и уже наловил столько городов?! А, что будет, если я проснусь?..

Он старался не вступать не в какие стычки. А когда его помощник стал бравировать перед ним своими шрамами, то в ответ заявил:

– А мне было так стыдно, когда рядом со мной упал камень обороняющегося противника, пущенный из катапульты, – так описал Стилихон один из своих боёв. Он, по причине своей близорукости, велел перенести командный пункт ближе к крепостным стенам, чтобы лучше видеть ход штурма. Своим долгом, он считал видеть стратегию боя, хотя бы на шаг вперёд.

– Знать дела врагов и уметь читать ход мысли неприятеля многого стоит, – считал Стилихон. Он был убеждён: «Роль вожака, есть – первооснова побед».

– Стадо оленей во главе со львом страшнее, чем стадо львов во главе с оленем?.. – говорил он. При этом ни когда старался не исключать из обихода военных действий влияние золота. По его глубокому убеждению, командир, погибший в бою, куда большее зло для армии. Последствия такой потери могут быть просто катастрофическими, если во время не найдётся тот, кто его заменит.

При всем своём даровании и таланте он был довольно великий гнус и садист. И очень любил быть на пытках. Если кто-то стойко держался, не давая показаний, он всегда говорил:

– О?! Какой опасный злодей, если даже под пытками выказывает такое упорство???

После войны и подписания удачного договора с Персией император женил его на своей племяннице. Теперь император Флавий был уже не нужен. Но, предсмертное завещание спутало все карты. Срочный план завладения тронном рухнул. Только «тёмные силы» наверху не расстраивались, видя, сей факт уже свершённым, и вождельно потирали руки. Расстроился, лишь исполнитель. Стилихон прекрасно понимал – век человека короток, а плоды его стараний утекали сквозь пальцы.

По завещанию императора Феодосия Великого – Восточная часть империи досталась старшему сыну – семнадцатилетнему Аркадию со столицей в Константинополе. Западная империя малолетнему Гонорию, со столицей в Риме. Опекун над своими малолетними детьми – сыном Гонорием и дочерью Галлой Пладиией умирающий император назначил военного министра Стилихона.

Магистр милитаризация, тут же, начал, что-то делить и под шумок оттяпал у Аркадия Иллирику. Римский Сенат поставил на вид о не законных захватах римских же территорий, и опекуну пришлось внять требованиям сенаторов. Однако, Далмации он не отдал. А несовершеннолетний Константинопольский император Аркадий был занят – только делами, далеко, не государственными.

Из сложившейся ситуации Силихон сделал правильные выводы: «Военный министр – это ещё – не всё?! Какие бы заслуги ты не имел перед империей». Тогда, для своей весомости при дворе, он выдал замуж свою дочь Марию за императора Гонория.

ГЛАВА XI

Волчицы перед началом брачного периода стали сбиваться в кучки. Видя, такое поведение самок, самцы принялись поглядывать в адрес сгруппировавшихся волчиц и выгонять молодых самцов—первогодков из стаи. Таков закон – на время гона – молодых волков в стае быть не должно.

– Тебе кто больше нравится? – спросила первая претендентка на роль матёрой волчицы, считая своё лидерство бесспорным. Она грызла кость, скорее ради того, чтобы отвлечься от предстоящих событий и почистить зубы, до здоровой белизны – надо жениху-вожаку показать своё здоровье и силу. А здоровье её слегка пошатнулось – выпали задние зубы, о чём она предпочитала скрывать. Подружка её была на год моложе и вызывала у неё опасения.

– Так я тебе и сказала?!! – ответила ей подружка-погодок. – Вдруг ещё попытаешься отбить?!!

– Хитрит, – не поверила ей претендентка на роль первой леди. Но сделала вид, что её такая позиция устраивает, продолжая при этом рассуждать: «Молодые волчицы мне не конкуренты. Они ещё очень слабы, чтобы тягаться со мной. Ай не стоит брать во внимание, учитывая её пассивные отношения к супружеству. Она каждый год на период гона покидала стаю. Вот и сейчас она не сбивается в кучу и держится обособленно».

– Но, если Ай передумает... то я не смогу противостоять ей. Вожак к ней выражает явные симпатии, – подумала претендентка, но тут же себя успокоила. – Она, вряд ли изменит своё решение?!!

По законам волчьей стаи, право на потомство имела только доминирующая пара – Вожак и Матёрая Волчица. Остальные члены семейства должны с этим согласиться и занять второстепенное положение в клане и помогать воспитывать их волчат. Или же покинуть стаю и создавать свою пару, но за пределами влияния семьи. Претендентка считала себя уже Матёрой Волчицей, поэтому то и интересовалась, с кем из волков, подружка собирается покинуть клан.

– Ты, опасаясь Ай? – спросила подружку претендентка на роль первой леди.

– Точно так же, как и ты?!! – ответила ей погодок.

– А я то, почему, должна опасаться?.. – таким ответом будущая первая леди хотела заявить и доказать, что она не опасается Ай, а её тем более. Она, таким способом, хотела подчеркнуть перед подружкой о своей не уязвимости.

Соперница ничего ей не ответила.

– Роль няньки тебя же вряд ли устроит?!! – продолжала нагнетать обстановку будущая первая дама. Она пыталась зародить в сознании соперницы, о её предreshённой роли – быть второй. – Я бы на твоём месте покинула стаю и создала свою семью.

И на этот жест подружка тоже ничего не ответила ей.

– Странно?!! – подумала старшая волчица. – Вняла ли она моим наставлениям?.. Удалось ли мне посеять у неё сомнение и страх?..

Но конкурентка продолжала молча лежать, удобно положив свою морду на слегка вытянутые перед собой лапы.

– Что-то Ай не уходит?.. – тревожно подумала будущая «матёрая волчица», отчего ей стало не по себе.

Ай, не желая слушать, их выяснения, и терпеть, участвовавшие и, всё более, навязчивые проявления внимания Вожака, покинула стаю.

Через три дня состоялся гон. Вожак расстроился не увидев на смотрах Ай и долго не раздумывая выбрал самую представительную волчицу из молодых. Не свершившиеся претендентки на роль первой леди решили стаю не покидать, как не уговаривали их brutальные самцы отправиться с ними в романтический вояж с выживанием. Они предпочли себе вторые

роли в сытом достатке, нежели первые в вечном и неопределённом скитании. Угрожающий вой и адреналин зажигательных погонь-преследований от хозяев территорий был явно не для них.

ГЛАВА XII

Локки прекрасно понимал: «Смерть императора Аркадия, всколыхнёт этот неустойчивый мир. И возгорится с новым желанием безумная деятельность, притихшего до поры-до времени Стилихона, что трагически отразится на жизни не только Феодосия и Пульхерии, но и на жизни императора Гонория и его сестры Галлы-Плацидии.

– Пошёл вон! – отмахнулся от него византийский император Аркадий, как от приведения, требующего от него чего то несусветного.

Но, Барабаш не привык сдаваться.

– Я бы, хотел Вас спросить: «Чего, Вы, хотите?? – задал «Пройдоха» вопрос совершенно не праздный. Он смотрел Аркадию, прямо в глаза. – Ты, ищешь погибель для Византии?

Локки настаивал перед Аркадием, чтобы тот подписал прошение к шаху персидскому о перемирии. И более того, чтобы шах, стал опекуном его несовершеннолетних детей.

– Просить своего врага о таком?

– О каком – таком?.. Твоя погибель, это твоё дело!! А вот погибель страны??? – «Пройдоха», развёл руками. – Не тобой она собиралась, чтобы ты её, вот так, рас тренькал. Ублажая себя и, утопая в своих мелких амбициях!!

– Я не против величия Византийской империи!!

– Но, погибель твоих чад?!! Это и есть – падение империи!

– Я не могу, пойдти на такое!

– Император, ты, должен подписать это, – настаивал Ангел-Хранитель. – Я в ответе перед твоим отцом за всё, что происходит на земле.

Аркадий противился, ему не позволяла гордость – просить врага о снисхождении.

– Шах персидский?.. Враг РИМА!!! И на тебе... Опекун?! Над моими детьми??

«Пройдоха» неумолимо смотрел на него, не зная, что и сказать. Он прекрасно понимал Аркадия, но ничего другого предложить не мог.

– Над ними есть опекун!! – император продолжал противиться. – Антемий, чем не опекун??

– Опекун! – согласился Локки. – Но, он – не такая – то уж и гроза, для константинопольской знати. А шах для них гроза!!

– Гроза, – согласился Флавий.

– А для Стилихона и он не гроза!!! На него надо искать другую узду!

– Где такую узду найти то??

– Совершенно верно!! Управы такой нет!.. Если только, смерть...

Аркадий выкатил на гостя удивлённые глаза, полные испуга и недоумения.

– Да будет тебе рожу то кривить!! Подписывать будешь?..

– Нет! – отрезал больной.

– Нет?! Нет, так нет... Мы и сами с усами. Где твои бумаженции?.. – Локки принялся рыться на письменном столе Флавия.

– Какие бумаженции?.. – засуетился умирающий.

– Какие бумаженции?.. Да твои – указы, которые, ты, плодишь бесчисленно?

– Не вздумай, – завопил государь, хватая ртом воздух, которого ему, почему-то вдруг стало так не доставать. Он понял, что Локки хочет подделать его подпись и отправить послание шаху Йездигерду от его имени.

– Да не визжи, ты, – Барабаш продолжал искать нужный ему документ, но попадались, лишь какие-то наброски без подписи.

– На этом стоит моя честь, – выдавил император Аркадий и осел – неподвижно, уставившись в мозаичный орнамент на потолке со сценой «СУДА БОЖЬЕГО».

– Честь твоя, от этого не пострадает, – заверил его «Пройдоха».

Локки, найдя, что его интересовало – подписал, по образу и подобию с оригиналом, договор о перемирии и опекунское прошение и, со словами:

– Да упокоится Душа твоя с миром, – он проводил Душу раба Божьего Аркадия в Хранилище. Закрыв ему глаза, Ангел улетел в открытое окно.

ГЛАВА XIII

Персия в войне с Византией имела перевес. Йездигерд удачно отвоевал, когда-то хитростью Стилихона, оторванные земли, по Тигру и Евфрату и вступил в пределы «Второй Армении».

Успешно воюя города и целые территории он, не спешил принимать римского посла.

– Пусть подождёт, – заявил шах, отказывая посланнику в аудиенции.

– Но, он, очень просил, – осторожно вставил визирь.

Визирь получил от легата не плохой подарок и решил его с честью отработать, рассчитывая, в тоже время, на не меньшее дополнение, в случае положительного исхода. Поэтому отказ для него был, словно гром среди бела неба, по его воздвигнутым надеждам.

– Пусть подождёт, – настоял Йездигерд.

Но, Локки ждать не мог. Он влетел в окно, как обычно делал, в таких случаях.

– ВАШЕ, ШАХСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО!!! ВЛАДЫКА МИРОВ И ЦАРЬ НАД ЦАРЯМИ!!!

Шах не успел, опомнится, а Локки продолжал, осыпать его титулами и пожеланиями.

– Да, продлиться царствие рода твоего!! Я прошу прощения, но, мой повелитель – император Аркадий, преклоняется перед вами и восхищается величием побед ваших и вашей властью над миром. Умирая, он просил Вас снизить, до его милости и взять на попечение чад его малолетних – императора Феодосия и августу Пульхерию. Ибо не видит он ни кого в мире, кто бы мог быть заступником детей его осиротевших.

– Император Аркадий умер? – вселенская скорбь запечатлелась на лице перса.

Доверие Аркадия настолько растрогали сердце шаха, что он даже не посмел гневаться, за дерзость в нарушении этикета приёма и его слушание.

– Хорошо! – после не которого молчания, заявил царь персов. По его расстроенному лицу было видно, что он искренне переживает о случившемся. – Я принимаю перемирие. И отныне, между Персией и Римом, не будет ни каких распрей!

– Щедрость шаха не имеет границ, – излил «Пройдоха», склоняясь в низком поклоне.

– А как я могу осуществить свою опеку над юным императором и принцессой? – поинтересовался шах, после некоторого молчания.

– Я думаю, Вам, надо послать письма ко дворам – Константинопольскому и Римскому, о каре последующей за притеснение императорской четы.

– А кто, при дворе Константинопольском будет внутренним опекуном?

– Антемий.

– Антемий?.. Знаю! А в Риме царь Гонорий, все также слушает советы Стилихона?

Да!.. Там военный министр всем заправляет!!

Шах ничего не ответил, но озабоченность, выразилась на его лице. Он в растерянности оторвал виноградину и положил себе в рот. Как влиять на Стилихона, он не знал. Но то, что римский опекун цепкий паук Йездигерд помнил.

– Как Стилихону удалось заключить такой договор с Персией? – спросил Локки, имея в виду – тот самый договор, который и позволил простому чиновнику взлететь до высот главнокомандующего всеми вооружёнными силами римлян.

Договор для Рима был очень выгодный – Персия согласилась на невероятные уступки. Уступить территорию, где ступила нога римских сандалий – это понятно, но были уступлены земли, где легионов не было и в помине – за Тигром и Евфратом?? В знак великих заслуг перед государством император Феодосий Великий, женил Стилихона на своей племяннице Серене и ввёл его в семью.

– Вы, не задумывались, как уступили римлянам всю Месопотамию?! – уточнил свой вопрос «Пройдоха».

– Сам не знаю?? Как такое могло случиться?? – ответил шах.

– Вот и я ума не приложу? Как??? Хотя догадываюсь.

Локки был рад столь удачному визиту, но его тревожило неустойчивое положение шаха. Устойчивость трона зависела от урожая. Опорой «Шахин Шаха» были огнепоклонники и землевладельцы. Землевладельцы, в случае неурожая, взвинчивали цены на зерно и отказывались вносить общепринятую подать хлеба – для поддержки населения. Казна пустела, и не откуда было взять денег на армию, чтобы сдерживать голодающих повстанцев.

– Вы, должно быть, проголодались с дороги? – спросил Йездигерд и хлопнул в ладоши. – Не откажите разделить со мной скромную трапезу.

На призыв повелителя вошёл визирь, увидев посла, он крайне удивился и, ещё больше, расстроился – окончательно потеряв какую-либо надежду на возделенное вознаграждение. Вознаграждение уплывало от него, теперь уже – безвозвратно и навсегда.

Вереница женщин с подносами на плечах, вошли в огромную залу с могучими мраморными колоннами. Их движения были настолько величавы, точно река. Лишь лёгкое шуршание одежд, выдавали их присутствие, да обворожительные, красивые глаза персиянок, не позволяли оставить их появление незамеченным.

– Царя-Царей, что-то тревожит? – спросил гость, наслаждаясь запахом финика, пропитанного зноем пустыни и ещё хранивший свежесть оазиса. Сухофрукт он взял не из чувства голода, а из желания вдохнуть знойную сушь, так благоприятно влияющую на его дыхательную систему.

– У персов есть правило, – прервал гостя шах. – Ты можешь обращаться к собеседнику с любыми вопросами и насмешками, которые будут приятны беседующему.

– Хорошее правило!! – поддержал его Локки.

Барабаш понимал, что царю персов неприятно касаться тем своего, довольно таки, шаткого положения и постоянной зависимости от жрецов и собственников земли.

После не продолжительной беседы Йездигерд поведал о не простых отношениях с князьками владеющими землёй и о постоянных трениях со жрецами огнепоклонниками.

– Причина проста!.. Твоим вассалам не нравится, когда твоя казна полна?? Им лучше, когда в стране не урожай и голод!!

– Вот это меня и тревожит!.. Что им – это в радость?? Высокие цены на хлеб распирают их тщеславие!!

– А, ты, обопрись на христиан! Они компактно живут в городах и при деньгах!

– Почему?

– Благосостояние ремесленников не зависит от погоды!!

– Нет!.. – перс посмел не согласиться. – Если я обопрюсь на христиан, тогда меня подымет на копыя моя же стража!!

– Выходит – охрана тебе нужна, другая?

– Охрана из огнепоклонников, всегда одна!!

– Тогда набери охрану не из огнепоклонников? Я не буду докучать тебя долгими похвалами, как и подшучиваниями. А пожелаю, лишь долгих лет жизни и могу для этого предложить тебе лучших охранников, какие только есть на свете!! Есть у меня на примете один князь с дружиной!!

– А почему, ты, не приставишь эту охрану к осиротевшим царевичам?

– У них есть – ТЫ!!!

– ВАХ!! ВАХ!! ВАХ!! – воспел донельзя довольный Йездигерд, от услышанной похвалы.

– Хорошая охрана, что золото – всегда нужна!! – согласился шах.

– А то??! Пришлю я князя к тебе!

– Ты, так считаешь? – глаза перса были явно встревожены и искали поддержки. Успешная война пополнила казну, вызывая зависть у окружения.

– Не думаю! Я уверен!! И те, и другие воспоют тебе почести и воздадут надёжный тыл! Шах обнадеживающе улыбался.

Опора на христиан и новая охрана обеспечили ему семнадцать лет беззаботного царствования. Лишь, благодаря уловке и своей доверчивости, он будет выманен один на встречу и умерщвлён группой недовольных жрецов огнепоклонников.

На стенах висели картины отображающие красоту природы. Горы, небо и солнце при обязательном присутствии лиц с огромными носами.

– Персы любят орлиные носы? – спросил Локки. – Вы, наверное, считаете их верхом красоты?

– Большой нос – это должно быть – черта, характерная для перса?! Когда-то Бог предложил персам переселить их на равнинные земли. На что персы ответили: «Семена растений, как и нравы людей, таковы, как и их земля!!!»

– Ответ достойный похвалы!!!

– А, вы, что любите господин Локки?

– Я люблю тишину, но иногда шалю...

– Да прибудет царствие Сасанидов во веки веков, – изрёк на прощание «Пройдоха» и, откланявшись, вышел.

Йездигерд!!! – кричали землевладельцы, лишившись своих привилегий – беспощинно продавать хлеб на территории городов.

Шах часто переодевался, в одежду простолюдинов и ходил по городу, слушая и узнавая ситуацию изнутри. Проходя мимо манифестантов, он остановился. К нему подошёл нищий и попросил написать на черепке с подаванием: «Йездигерд».

– Ты, знаешь Йездигерда? – спросил шах у него.

– Нет, – признался нищий, – но тут, столько орут его имя, что мне захотелось узнать – кто это? И я решил записать это имя, чтобы не забыть...

– Но, ты, же не умеешь читать?

– И что?.. Я попрошу, какого-нибудь из грамотных и он мне напомнит, его имя, если я забуду.

Шах написал на его черепке своё имя, заметив – как много ему дают денег. Он понял, самое лучшее счастье – это делать добро, не афишируя себя, и положил в черепок монету.

Вернувшись во дворец, царь персов поднял пошлину на хлеб вдвое, пригрозив торговцам – «если торговая наценка превысит величину пошлину – торговцы лишаться права торговать в пределах Персии». Манифестанты, узнав об этом, поспешили разойтись, а хлеб подешевел.

Послание шаха было прочитано Римскими Дворами. Константинопольская знать приняла его с боязнью, а римская с усмешкой.

Императрица Мария умерла. Гонория, тут же, женили. на второй дочери Стилихона и Серены, Ферманции. Но её немощность не давала достаточной уверенности сохранения трона, и главнокомандующий срочно повенчал своего сына Евхерия на сестре императора Гонория – Галле Плацидии. Этот союз давал более убедительные шансы удержаться у власти – вождельный трон становился всё ближе.

– Паук Стилихон при дворе делает всё что захочет?! – прокомментировал Йезегерд, выслушав доклад-донесение визиря полученный из Рима. После не которого раздумья «Царь Царей» указал на диван. – Напиши в Константинополь.

Шах послал внутреннему опекуну Феодосия и Пульхерии предостерегающее письмо: «Господин Антемий! Вы, должны найти человека из другого города, который под видом знаатока „по раскрытию заговоров“ должен будет появиться и разнести эту молву – „о раскрытии заговоров“ по городу. Когда слух разойдётся по столице, вы, пригласите его во дворец. Под

предложением узнать у него секрет этой тайны». Во второй части письма Йезегерд просил опекуна направить легатов в Рим – к Стилихону, чтобы разведать его намерения.

Предсказатель заговоров, побыв, какое-то время, с Антемием, с глазу на глаз, получил в награду мешочек с десятью золотыми монетами. Опекун сделал умный вид, что познал много интересного и познавательного, и отпустил наставника по низвержению царей на все четыре стороны. После чего, тот сразу удалился и больше в столице не появлялся.

Йезегерд, направляя послов в Рим, строго настрого запретил им – брать подарки и любые преподношения, зная о продажности своего окружения. В памяти его, ещё были свежи результаты подписания договора с Феодосием Великим.

Когда послы персов отказались от подарков Стилихона, римский вельможа, не подавая вида, сказал им:

– Давая такие запреты, шах лишает вас единственного, что могут правители сделать хорошего для вас?! – то, как он это произнёс было видно, что он считает себя уже правителем.

– Скорее всего, шах имел в виду: «Что добро от правителей может быть и опасно?!» – не согласился с суждением министра глава посольской делегации.

Военный министр молчал, какое то время, но решил отыграться.

– А как поживает Вавилон?

– Он хорошо укреплён, – ответил посол.

– Но, не на столько, чтобы не прошёл конь с мешком золота?

Послы персов, покидая резиденцию военного министра, столкнулись со скромной делегацией Византии, состоящей из двух человек. Антемий, зная коварство военного министра, решил сам отправиться в Рим с посольством. У него была не плохая репутация и влияние в Сенате, поэтому главнокомандующий вряд ли что-то будет предпринимать против него. Делегации раскланялись, хорошо зная друг друга и, полагая, что им, возможно, придётся следовать обратно – домой, одною дорогой. Вместе безопаснее, рассудила каждая из сторон.

Стилихон принимал послов константинопольских с нескрываемой надменностью. Во-первых – он был оскорблён таким не вразумительным числом легатов. Во-вторых – он уже считал себя – почти, что «Императором обеих империй». Дело оставалось за малым. А выказывать своим будущим подданным, каких бы то ни было почестей и уважения, считал делом лишним и даже ниже своего достоинства.

– Византийцы, ещё придут ко мне, когда я копьём дотянусь до неба!!! – наполненный гордыней сообщил министр обороны посланникам града-Константина, после непродолжительного приёма.

Гости переглянулись.

– Уйдём отсюда, по скорее, пока он не проткнул небо, – предложил Антемий товарищу.

– Пожалуй, надо... – поддержал главу посольства второй легат.

Откланявшись, они покинули резиденцию, желая поскорее догнать персов – больше, думая о своей безопасности.

Передвигаться по территории Западной Империи в одиночку было чревато. Вандалы Стилихона, без опаски орудовали на дорогах – грабя запоздалых путников.

Спокойствие с востока Локки радовало, а агрессивные происки Рима пугали. Он, по наводке, не успевал сдавать в тайную канцелярию наёмных убийц, подсылаемых военным министром. «Пройдоха» понимал, количество перерастает в качество. Надо было, что-то предпринимать.

ГЛАВА XIV

– Я вас понимаю, император Гонорий, выдвигая военного министра на ведущие роли, вы, тем самым хотели отвлечь внимание народа от себя. Желали, чтобы подданные ненавидели Стилихона больше, чем вас, – Локки не хотел говорить прямым текстом, что повзрослевший император просто продолжает бояться своего опекуна.

Император, соглашаясь, кивнул.

– Император Гонорий, у вас нет основания, не верить мне, – убеждал его Локки.

– А почему, я должен верить тебе?

– А какой мне смысл, лгать?

– Смысл есть всегда!

– А послание?

– Послание можно подделать.

– Действие тоже можно подделать?

– Действие – может быть, всего лишь стечением обстоятельств.

– Но!! Ваше, Императорское Величество!! Вы, не находите, что слишком много стечений? И все – не в вашу пользу.

– Много, – согласился император, – но ему не верилось, что его тесть, он же женатый на его двоюродной сестре, может быть способен на такое. Кому, же тогда, верить? Если даже родня норovit тебя ужалить, а то и – убить?

Стилихон был человеком деятельным. Вандальское происхождение не помешало ему подпрыгнуть, до таких высот, которые не снились, даже людям именитым с неимоверной родословной. А наоборот, это плебейское происхождение, даже подстёгивало его на свершения. Хитрость, изворотливость, и не плохой пытливый ум, способствовали его продвижению, как успешного военного и дипломат. Путём подкупа, дипломатии и всевозможных союзов с варварскими племенами он по-настоящему создавал «ИМПЕРИЮ». А после женитьбы на Серене, он даже считал, что Феодосий готовит его в «ИМПЕРАТОРЫ». Но оказалось, что он готовил его – всего лишь – на должность «ОПЕКУНА»??? А в нем бушевала страсть деятельного человека привыкшего к простору мысли и широкому действию исполнения, а в разделённой империи ему этого простора не хватало!

Стилихону, продвижению его вождеденных планов, мешал Фабий Максим. Он считался наиболее рьяным противником захвата Иллирики и расширения Запада, за счёт римских же территорий Востока. Военный министр попросил поэта Клавдия, оклеветать этого завсегда того трибуна в Сенате, поклявшись на алтаре, на что тот ответил:

– Простите, великодушно! Но, моя дружба, только – до алтаря!!

Поэт, отказывая мужу своей благодетельницы, чувствовал себя неудобно. Серена всячески поддерживала его и даже с её помощью он женился на богатой вдове и теперь жил безбедно.

Клавдий попытался улыбнуться. Министр обороны заметил это. Не желая, заострять на этом внимание, он дал ему заказ. Написать хорошее стихотворение о его семействе, пообещав за это прославление остров – при условии, что разговор останется между ними в тайне.

Путём интриг и инсценированных вторжений варваров Стилихон создал о себе – «репутацию незаменимого». Схема его действий была проста: «Договорившись, с каким-нибудь племенным вождём о вторжении, военный министр отбывал в это время в отдалённую провинцию. Варвары, пользуясь отсутствием армии, безнаказанно хозяйничали, до спешного возвращения главнокомандующего. После чего мир вновь воцарялся на римской земле.

Вторжения были громкими и не очень. Но фурор на римскую аристократию произвёл разгром сборного войска из варваров – аланов, вандалов и венеков под руководством Радагайса. Варвары вторглись, по обычной схеме: «Когда военного министра не было в Риме». Как

только, ему донесли о случившемся – он, тут же, укрепил своё войско и, разгромив варваров, велел доставить к себе их предводителя.

Радагайс и Стилихон были вандалами и были давно знакомы. Ещё со времён своей жизни в придунайских просторах. Радагайс был сыном короля вандалов, а Силихон – сыном дружинника, поступившего к римлянам на службу и женившегося на римлянке. Они, даже повзрослев, неоднократно и поочередно сватались к ободритской княжне Предславе. В итоге Предслава выбрала сына вождя, оставив с носом хитроватого полукровка. Стилихон поступил на римскую службу – в подчинение к отцу и вскоре с посольством отправился в Персию. А, Радагайс с вандалами и аланами на запад. Стилихон обиды – за неудачное сватовство – Радагайсу не показал. Но скрытую злобу затаил и рассчитался с ним сполна и с невероятной пользой для себя: «Стал не гласным спасителем империи. За благосостояние которой, он, не считался даже со своими соплеменниками».

– Что за дела? – взревел король вандалов, когда они остались со Стилихоном одни на один.

– Чего, ты, вопишь, как резаный? – осадил его министр-победитель.

– Мы так не договаривались? – решил напомнить ему Радагайс.

– Мы о чем-то, могли договариваться?.. – спокойно остановил его пыл старый знакомый.

– А как??? – полный удивления подался вперед пленённый предводитель. – А кто мне писал??

– Во... болтун!!! Во... трепло!! Что, ты, несёшь?.. Может, тебе вырвать язык?.. Чтобы не болтал лишнего??? А??? – Стилихон ехидно улыбался.

Радагайс понял, что он угодил в хитросплетённые сети и очень, даже, умело расставленные. Он даже не стал требовать развязать ему руки. Всё равно его просьба была бы не услышана. А то, что этой просьба не последовала, даже на какое-то время ущемило самолюбие полукровка.

Сейчас, Радагайс предал словам Предславы полный смысл.

– Не связывайся со Стилихоном!.. – предостерегала жена, на, что он лишь отнекивался:

– Какая, ты, мнительная?.. Зачем ему афишировать наши отношения? Всё наоборот будет шито-крыто!! Вот увидишь!!! Какие я тебе подарки привезу!!!

– Чувствует моё сердце не к добру это?!!

– Жена?!! Будет тебе напраслину возводить! – на том они и расстались. Муж, не вняв словам супруги, отправился в поход.

Стилихон продолжал ждать: «Когда же Радагайс попросит его развязать ему руки?», но старый знакомый продолжал хранить молчание, чем ещё больше бесил министра. Наконец он понял, что просьбы не будет и позвонил в колокольчик. Вошёл стражник.

– Отведи его в пыточную камеру, пусть по отдыхает перед представлением. Без меня не начинайте, послал он вдогонку и принялся писать Сенату очередной отчёт об очередном разгроме полчищ вторгшихся варваров.

Злорадствуя, Стилихон послал Предславе голову мужа и написал: «Ты, должно быть, сделала правильный выбор?.. Такое, ждёт весь твой род...» Не в состоянии сдержать распирающую его гордыню, он подписался «Стилихон Император Запада».

Через двадцать два года, Предслава своего правнука назвала в честь мужа, но чтобы избежать проклятия упустила несколько букв – назвав его – Радагас, который и положил начало ободритской княжеской ветви полабо-лужских славян – став, основоположником ряда европейских династий. О преследовании Стилихона, она умолчала, посчитав это лишним – полукровка к тому времени уже был казнён в Риме толпой. А зря, он растворился, но не исчез...

После казни Радагайса, искусный интриган продолжил и дальше умело стравливать пленённых вождей, всегда выходя победителем в своих авантюрах.

Смерть императора Аркадия породила у Стилихона былые мысли – «О Единой Империи» и он начал действовать, подсылая наёмных убийц в Константинополь.

Для большей шумихи, он велел своему должнику – вождю вестготов Аллариксу вторгнуться в пределы Западно-Римской Империи. Военный министр привык делать всё, доводя до верного результата, поэтому послал к Аллариксу двух гонцов. Одного, из посыльных перехватил Локки. Отдавая, Гонорию депешу заговорщика, «Пройдоха» призывал императора поверить в двуличность своего тестя.

– Я должен по этому поводу посоветоваться с сестрой, – после продолжительного раздумья сказал Гонорий.

Галле Плацидии он доверял больше всех. У них было одно на двоих – осиротевшее детство – с одной судьбой – быть заживо погребёнными в руках опекуна. Они чувствовали эту опасность – и она их, ещё больше сближала.

– Посоветоваться с сестрой, вы, просто обязаны!! Это и её жизнь! Но, я бы – всё же вынес сор из избы и передал это на решение Сената.

– Сената?.. Пожалуй, да! Без Сената здесь уже, не обойтись? А как бы поступил, мой отец?.. – спросил император.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа в распахнувшийся проём вошли стражник Аэций и начальник императорской канцелярии Иоанн. Аэций был приставлен к Гонорию в охранники, ещё с детской поры. В большей мере в качестве друга, нежели настоящего стража. Стражник остался у входа, а Иоанн прошёл в глубь залы и тут же известил:

– Я прошу прощения, но известие не терпит отлагательств: «Вестготы перешли реку По и идут на Рим!!!»

Гонорий остолбенел.

– В такой ситуации ваш отец бы непременно созвал Сенат.

– Кто это? – спросил начальник канцелярии.

– Где? – Гонорий повёл головой, но никого вокруг уже не было.

– Кто говорил?

– Это, так?.. Мысли вслух!!

– Но, ВЫ, говорили не своим голосом?

– Я велю, вам, созвать Сенат! – прервал его Гонорий. – Сейчас я говорю своим голосом??!

– Да... Своим. На какое число назначать?

– Немедленно... – император продолжал вертеть в руках депешу, оставленную Локки и, не знал, что с ней делать.

– Передам Сенату, – решил он, продолжая прибывать в растерянном—напуганном состоянии. – Пусть, они решают, что делать?

ГЛАВА XV

– УВАЖАЕМЫЙ СЕНАТ!!! – известил председательствующий, – ГОСУДАРЬ НАШ И БОГ ПОВЕЛЕВАЮТ!!!

Это приветствие означало, что заседание Сената можно считать открытым.

Сенат собрался в полном составе. Две тысячи патрициев чинно расселись в полукруглом зале атриум возвышения.

Стилихон предстал перед ними внизу, где и подобает находиться людям призванным дать ответ и прояснить ситуацию. То, что он, для большинства, здесь собравшихся мужей, был выскочкой, сомнений не вызывало. Это их даже не волновало. Но, выскочкой деятельной. Этот факт их даже радовал. Он был на службе.

Да, плебей, благодаря их лени, занимал пост главнокомандующего и по инерции продолжающего опекуновствовать над императорским двором – теперь уже благодаря родственным узам. Ну и что?!! Это ни как не влияло на их благосостояние, на их достаток?? Это не затрагивало их собственность!! Стилихон для них был, как бельмо в глазу, но ещё не разросшееся и поэтому не мешающее им видеть... А вот измена??? Это могло их скovyрнуть и перевернуть. Перевернуть, всё с ног на голову. Это было посягательство на их благосостояние, на их жизнь!!

– Военный министр, не могли бы, вы, нам прояснить, ту давнюю историю с вестготами в Греции, – задал ему вопрос, со-председательствующий в Сенате Олимпий Фавст.

– А что там не ясного?.. Я по решению Сената, после усмирения бунта в африканском Карфагене, приплыл в Грецию. Для выдворения готов, за пределы Империи! Что и было сделано!! Я не вижу, что здесь, ещё можно прояснить и добавить??

– Картина может быть и ясная?? – поддержал направление мысли сенатора Фавста, сенатор Мариниан Тавр. – Но, ясная ситуация – скорее всего, для вас?? Мы бы тоже хотели знать, почему – разрозненные группки варваров, разбрёдшиеся по стране ради кормёжки, не были пленены. А, даже более того, находясь в окружении, умудрились вырваться и преспокойно уйти на север!

– Их надо было выдворить на севере!! Другой задачи не стояло!! – по- военному ответил Стилихон.

Невозмутимость военного министра коробила большинство собравшихся сенаторов.

– Бунтарей надо было пленить! А задачи их провожать, перед вами ни кто не ставил?? – не сдержался сенатор Авит Пропоген.

– Вестготы воспользовались ночной темнотой, и вышли из окружения, – храня спокойствие, сообщил главнокомандующий. – Ни кто их не провожал, они просто в страхе уносили ноги.

– А почему утром, вы не стали их преследовать? – не согласился с ним Авит. – Почему все перевалы в Родопах были открыты?? Через, которые они беспрепятственно прошли к своим соплеменникам. Там укрепились и угрожали нам – уже несколько раз, после того и, вот теперь – угрожают нам опять!!!

– Блок посты на перевалах не были в моем подчинении, – спокойно отпарировал обвиняемый.

Эта бесполезная игра, Стилихона лишь забавляла. Претензии Сената были мизерны и базировались они на семилетней давности, поэтому министр чувствовал себя не уязвимым и бравировал. Все доводы Сената сводились, лишь к тому, что Алларикс, когда-то был упущен – будучи окружённый в горах Аркадии. И вот теперь, он опять идёт на Рим. На тех переговорах Алларикс и Стилихон были одни. Германские корни позволили им найти общий язык без переводчика. Скрытые зарослями и темнотой ночи они преспокойно договорились обо всем. Ни кто не знал о той встрече.

– А, как римская армия? – спросил Алларикс, ему нужны были гарантии – держать оборону или сниматься с места.

– У них короткие мечи.

– И, что?

– Их глотают, даже фокусники! – дал намёк министр обороны империи своим гарантиям.

– Тогда я согласен!..

– А у тебя, есть варианты? – Стилихон решил поставить его на место.

– Нет... Но, поторговаться, ох как хочется?..

– С жизнью шутки плохи...

– Я согласен.

– Вот и хорошо, – заключил командующий римской армии. И они разошлись, пока ночь давала им шанс исполнить задуманное.

У военного министра было своё лобби в Сенате. В целях конспирации он не давал знать, каждому из них: «чьи они ставленники». Это было даже и лучше. Они, не сговариваясь, лили воду на его мельницу. Получалось всё, как-то само по себе и даже не навязчиво.

Министр милитари не знал, что один из гонцов перехвачен и депеша попала к Гонорию. Но император колебался: «выносить ли сор из избы?», и отдал её в самый последний момент сенатору Прокопию Цецина, который и должен был бы поступить, в зависимости от ситуации. Сенатор Цецин прибыл на заседание с пиршества закатившим сенатором Венецианом Пробом по поводу своего удачного приобретения земель у святой Мелинии. Земли были куплены, совсем «не дорого и в таком количестве!!!» Сенатор мельком глянул в записку и не найдя в ней ничего интересного положил её в карман тоги, как «что-то» маловажное.

Император Гонорий передал этот документ Прокопию не случайно. Он знал этого патриция, как человека правдивого, здравомыслящего и решительного. На одном из заседаний Сената император смел, сказать – что-то не совсем верное и лицепрятное в суждении – по поводу сенаторских сословий и привилегий.

– Осторожней!.. Император! – категорично заявил на его выпады Цецина. – Вы господствуете над Свободными Людьми!!! И к тому же Римлянами!..

Напряжение на заседании потеряло накал. Ретивая, напористая нить расследования было утеряна, и как-то вяло сходила на нет. Не хватало, какого-то заключающего абзаца, чтобы поставить окончательную точку – в этом запутанном, а теперь, уже даже, и надуманном деле, по прошествии такого срока времени.

– Вы, же военный министр?.. А блок посты не в вашем подчинении?? А в чьём же они тогда были подчинении? Алларикса?? – сострил сенатор Маллий Феодор. Он был из лобби военного министра и вопрос задал скорее, чтобы иронизировать ситуацию и разрядить, ещё пока, напряжённую обстановку.

Сенат встретил вопрос смешком. После того, как зал успокоился, следующий член из лоббирующей пятёрки – сенатор Армат Зенон – поддержал министра.

– Господа!! Но, перевалами заведовал препозит Антемий? – вставил он, прекрасно зная, что константинопольский препозит, тут не при чем. Всем театром военных действий заведовал главнокомандующий, но его домыслы, были просты: «Ни кто досконально уже не помнит, той ситуации, да и правдивой – достоверной информацией римские сенаторы не были наделены изначально, как к делу не особо-то их интересующему, а тем более затрагивающему».

– Мы как-то совсем забываем о том, что министр Стилихон сделал для Империи?!!

Теперь один за другим брали слово из лобби главного военного. Они не спеша вспомнили вторжения варваров и их разгромы, череда убедительных побед пронеслась перед Сенатом – лангобарды, бургунды, несколько вторжений и выдворений вестготов и вандалов и наконец, самое последнее и самое громкое, по своему исполнению – это вторжение и казнь Радагайса.

Вспомнили, о том, что он заступник христианства. Он сжёг языческие книги Сивиллы. А жена его в языческом храме сняла ожерелья с груди языческой богини, куда римляне продолжали приходить и поклоняться идол-изваянию, за что получила проклятие на себя и род свой.

– Сгинет род твой! Сгинет все твоё семейство!!! – взывала настоятельница языческого храма Равилла. Зловещие проклятия, тут же начало сбываться. Сначала умерла Мария, стало нездоровиться второй дочери – Ферманции, и ко всему – оставшемуся семейству приближался крах.

Сенат кипел – лобби работало. В восхваление министра – попала его забота и благотворительность. Вспомнили супругу его – Серену, с множеством меценатских дел. Она дала совет, всеми любимому поэту современности, Клавдию, жениться на богатой вдове и прекратить своё бедственное положение.

Собрание, как-то незаметно, переросло в клоунаду. Серьёзные начинания в расследовании инцидента по сговору и измене переросли просто в утеху. Особенно после упоминания, совершенно не к месту – о женитьбе поэта Клавдия на богатой вдове. Поэт, в знак благодарности, в каждом своём стихотворении принялся упоминать о Серене, Мелании и Силихоне. А то и обо всех их вместе, как великих благотворителях.

Серьёзные доводы и не очень превратили Сенат в трибуну, восхваляющую заслуги Стилихона. Все прекрасно понимали, что они зря теряют время. А прозябание министра обороны здесь, когда вестготы вторглись в пределы государства и приближаются, всё ближе и ближе, к Риму – было просто преступно.

– Господа сенаторы, – воззвал председатель к собравшимся мужам, – давайте не будем отвлекаться от повестки дня.

Сенат загудел, не желая терять время понапрасну, пора было закрывать заседание. Но сломить председателя было дело не из лёгких. Он не зря был потомком Фабия Максима по прозвищу «Бирюша» и вполне походил на своего предка не только именем. Всё собрание он практически молчал, доверяя ведение его сопредседателю.

Фабий Максим Старший получил своё прозвище, преследуя Ганнибала. Вместо того, чтобы вступить в бой, с измотанным до нельзя войском карфагенянина, он преследовал его по пятам. Полностью копируя путь противника. Из-за чего все подтрунивали над ним – называя его «дядькой Ганнибала». А он не обращая внимания, продолжал делать своё дело. Его подчинённый спросил: «Как он может все это терпеть?»

– Бояться насмешек, ещё гораздо, постыднее поношений, пусть даже и не заслуженных, чем изменить задуманной тактике! – ответил ему Фабий.

Его подчинённый, как то, ослушался приказа командующего и напал на отставший отряд, разбив его полностью. Все принялись восхвалять победителя, а Максим велел ему: «Больше так не делать».

– Я, больше, всего боюсь побед, чем неудач, – предостерёг командир.

Но помощник не внял его наставлениям и в следующем нападении попал в засаду. Фабий отбил его, но потери были не обоснованно велики – просто не соизмеримы, по сравнению с предыдущим триумфом.

Несмотря на годы, это прозвище следовало за родом и соответствовало им. Председательствующий был не стоворчив и стоял на своём.

– У нас на очереди заслушивание августы Галлы Плацидии, по данному вопросу, – известил он.

Вопрос о доверии, как бы, сам по себе разрешился, но августейшая особа была приглашена и, не выслушать её было бы не почтительно.

После, того, как цесаревна поведала Сенату о нежелании на венчание с Евхерием. Но, по настоянию Стилихона и Серены, ей пришлось, согласиться и пойти на это. У Сената зата-

ились доводы: «О не случайности, ряда событий в чрезмерном укреплении власти военного стратега». Данные факты говорили не в пользу последнего. Всё-таки министр был для них – варвар?! Хотя и много сделавший для Империи, но – варвар?! А коварство выскочек не предсказуемо и не безопасно?! Люди без рода, без племени, очень опасны для аристократии – ибо начинают её искоренять.

Сенаторы Прокопий Цедина и Венициан Проб от начала и до конца на заседании скучали. Они сожалели, что их оторвали от столь важного занятия, как обмывания купленных земель сенатором Веницианом. Они уже просто негодовали, что – продолжают терять зря, столь драгоценное время. Но, тут сенатора Цедина осенила мысль, что земли, которые куплены сенатором Веницианом и, которые они, так дружно обмывали, как столь удачные, оказались не столь-то и удачные?! Они один в один упоминались в депеше, как земли отданные вестготам под заселение за содействие в военной помощи, как союзникам.

Перечитав послание, Прокопий передал его другу. Валерий, прочитав – тут же, окончательно протрезвел.

– Откуда это у тебя?

– Откуда сказать не могу, – сообщил Прокопий, – но источник достоверный.

– Ты, меня не разыгрываешь? Ради скуки!

– Я похож на зверя? Ты, лишился всего достояния, а я буду тебя разыгрывать?

– Но – это?..

– Это крах!.. Но я с тобой...

– Спасибо, друг!! – сказал Валерий полный благодарности и, не дослушав приятеля, сенатор Венициан громогласно заявил:

– А с какой стати, вы, господин министр, уступили мною купленные земли у Мелании, вестготам???

От услышанного возгласа Стилихон побелел, а весело бурлящий Сенат насторожился.

Председатель молчал, как и весь Сенат. Фабий Максим, видя серьёзность вопроса, не поставил даже на вид сенатору. Обращение Проба к главнокомандующему – без разрешения председательствующей стороны было ни чем по сравнению с глубиной вопроса. «Бирюша», лишь спросил, после не которого молчания:

– Ваши утверждения, чем подтверждены???

– Венициан протянул ему доказательства.
– Откуда? – только и смог вымолвить сопредседатель Олимпий Фаст, прочитав послание, переданное ему председателем.

– Источник верный, – повторил Проб слова друга. В этот момент вскинутая вверх рука Цедина Прокопия и обращение приковали внимание Сената и испуганного Стилихона.

– Уважаемый Сенат!! – известил Прокопий, вставая. – Я не могу, вам, раскрыть источник! Не испросив на то согласие лица, давшего мне сей, столь гнусный документ измены. Но, я обещаю, вам, что дам вам ответ по данному вопросу и думаю, что – положительный на столько, что могу сейчас присягнуть на Библии перед СЕНАТОМ!! ГОСУДАРЕМ!!! И БОГОМ!!!

– Мы вам верим! – соглашаясь с ним, кивнул председатель и спросил министра:

– Что, вы, можете ответить по этому – мягко сказать не простому – заявлению?

– Я не могу ничего сказать, по поводу этой не понятной мне бумаги, – ответил министр.

Письмо было написано Евхерием, но печать стояла его, которая была расколота, поэтому подтвердить его причастие к нему было довольно таки проблематично.

– Я сам теряюсь в догадках, что это за письмо?? – слегка успокоившись, добавил Стилихон.

– Требования и доводы серьёзные, – заявил сенатор Маллий из лобби министра. – Но у меня вызывает сомнения в подлинность этого документа, тем фактом, что вестготы вторглись в наши земли?! По какому призыву?.. Этому?? Что сейчас у нас?.. Тогда хочется спросить: «С кем его нам передал Алларикс??». И при чем здесь министр обороны??

По залу пробежался не понятный возглас. Но, не весёлый, не разряжающий обстановку, как на то рассчитывал говорящий Маллий Феодор.

Маллий Феодор был наместником в оторванной провинции от Византии – Иллирике. Вся переписка Стилихона и Алларикса велась через его резиденцию. Сенатор знал, что «главком» всегда посылал двух, между собой не связанных гонцов.

– А, вы, сенатор, – Феодор обратился к Прокопию, – в самом деле, подтверждаете подлинность этого документ?? Ваша честь, не вызывает у меня сомнений, но нелепость данной ситуации, толкает меня на этот вопрос???

На выручку друга решил встать сам пострадавший.

– Совершая эту сделку, я спросил у святой Мелинии: «Почему она столь спешно и так дёшево уступает свои владения?» на что она мне ответила: «Её подруга Серена посоветовала ей поскорее продать свои владения в Галлии, Испании и севере Италии, иначе потом поздно будет».

Подобная новость повергла Сенат в шок, а Стилихон опять побелел.

– Уважаемый Сенат!! – обратился председательствующий к собравшимся. – Я полагаю, нам стоит прерваться на перерыв. А за это время пригласить в Сенат святую Меланию и Серену. И мы ждём, от вас сенатор Прокопий Цецин, разрешение об открытии лица вам это послание передавшее.

Стилихон выглядел озабоченным. А сенаторы – все как один – воодушевлённо подхватили предложение сенатора Фабия Максима.

То, что Сенат послал за Сереной, встревожило военного министра не на шутку. Серена была верная, тактичная и преданная женщина.

– Принеся присягу, она все выложит на чистоту, – рассудил командующий. Когда-то на первом заседании Сената Стилихону заявили, прямо или косвенно: «Что от него неприятно пахнет?» Он с этой претензией обратился к жене, на что она прямолинейно ответила: «Я думала, от всех мужчин, так пахнет?»

– Серене, ни в коем случае, нельзя было, здесь появляться, – заключил он. – Но, как – это исполнить?

Посыльный вернулся от Мелании с известием: «Что она отбыла с мужем ВО СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ – возводить храмы». А вестовой посланный за Сереной доставил её в Сенат.

Набожная Сирена, дав присягу – «говорить правду и ничего кроме правды» – поведала Сенату обо всём. На вопрос: «Что побудило её посоветовать, Мелании продать имения?» Она не в состоянии нести клятвопреступление выложила на чистоту, что слышала, как муж диктовал её сыну послание Аллариксу в котором и упомянул эти земли, как уступку за вторжение.

Сенат обратился к Стилихону, но того на заседании уже не было.

Евхерий, после не значительных препирательств, во всём сознался.

Измена была на лицо – Евхерия и Серену отправили на казнь.

Стилихон скрывался в церкви. Пользуясь покровительством настоятеля храма, его причастившего, он стал жить в божеской обители.

Поведение сверженного главнокомандующего день ото дня становилось всё более странным. Он боялся смерти и в тоже время шутил о ней. Сидя у алтаря, он, беспрестанно, ел и хохотал, так не воздержанно, что батюшка стал сомневаться в его здравом рассудке.

– Не надо столько есть? – остерегал его священник.

– Так, что же, святой отец? – вопил бывший министр. – Если меня приговорили к смерти, мне теперь и есть нельзя? Я не хочу идти на эшафот голодный и ссохшийся!..

Понимая, что он не может бесконечно сидеть и скрываться в церкви – Стилихон решил действовать. Надо было прорываться к Аллариксу. А для этого следовало усыпить бдительность римлян. Он согласился сдать, при условии, если с ним встретиться в тюрьме император Гонорий.

Об этом испросили императора:

– Вы согласны с ним встретиться?

– Да, – ответил зять.

– В тюрьме?

– А где же с ним встречаться?.. Как не в тюрьме???

Но, встреча не состоялась. Стилихон попытался скрыться, по пути следования и был убит – растерзан толпою.

Жизнь Стилихона была словно свёрнутый ковёр. Всё в нем было скрыто, спрятано и покрыто интригами и тайнами. А ведь мог же этот ковёр быть развёрнутым и радовать глаза расписными красками и узорами. Локки подумал его развернуть, только, тут же, ужаснулся и передумал.

Варвары, им всколыхнувшие просторы Европы, не могли уже остановиться. Они подобно циклопам, блуждали, натываясь друг на друга, враждуя между собой и уничтожая себя и Империю. Они ослеплённые тянули руки во все стороны. Желая найти истинного поводыря. Но не находили его. Не находили и цели. И продолжали блуждать по бездорожью, оступаться и падать.

Паук, угрожающий династии Флавиев, был нейтрализован.

ГЛАВА XVI

Этот протяжный волчий вой тоски привлёк Ай. Большинство волков воют, чтобы обозначить свою территорию. Предупреждая волков-чужаков о своих заповедных владениях. Благодаря вою волки общаются между собой на большие расстояния. Этот же просто выл, беспомощно и обречённо, наполненный обидой, что его выгнали из стаи. Выгнали не одного, а всех годовалых волков, но выл он один. Остальные разбрелись по отдалённым территориям, стараясь лишний раз не высовываться, а этот беспечно выл, выдавая себя.

Вой доносился из-за поворота лога, поэтому страдальца не было видно. Ай поднявшись по косогору вверх вышла на прямую видимость.

Волк, забравшись на вершину огромного валуна, застыл перед ней в свете жёлтой Луны. Он надрывно горлом высказывал свою боль, уставившись на диск полнолуния. Он не был ей знаком.

– Ты, чего, – окликнула она его.

Волк замер, всматриваясь со своей высоты на стоящую внизу волчицу. Он не верил своим глазам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.